

*МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИД РОССИИ
ЦЕНТР КАВКАЗСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ*

Владимир Дегоев, Рустам Ибрагимов

***Северный Кавказ: постсоветские итоги
как руководство к действию,
или Повестка дня на вчера***

*Издательский дом
Имперуум XXI век
2006*

ББК 63.3
УДК 940
Д 32

Д 32 Дегоев Вл., Ибрагимов Р. **Северный Кавказ: постсоветские итоги как руководство к действию, или Повестка дня на вчера.** – М: Издательский дом «Империи XXI век», 2006 – 82с.

ISBN 5-9722-0032-5

В данном докладе-эссе подводятся итоги постсоветского развития Северного Кавказа, которые – именно потому, что они неутешительны, - рассматриваются как объективные предпосылки для кардинального реформирования системы местной власти и превращения ее в эффективный инструмент осуществления социально-экономической модернизации в соответствии с вызовами времени.

ISBN 5-9722-0032-5

ИД «Империи XXI век», 2006 г.

Что и почему происходит на Северном Кавказе?

Бенджамин Франклин как-то сказал, что империю, как и большой пирог, удобнее всего объедать с краев. Развал СССР дал одно из впечатляющих подтверждений этого афоризма. Сегодня дело уже не в том, насколько оно болезненно для нас, россиян. Вопрос куда серьезнее: окажется ли Франклин прав в отношении современной и будущей России.

За долгим и упоительным обсуждением темы о «несостоятельности» некоторых постсоветских государств мы не заметили, как она стала актуальной для Северного Кавказа, где цена этой несостоятельности для России неизмеримо выше.

Беспрецедентно дерзкие и масштабные террористические вылазки в этом регионе приобрели устойчиво-регулярный характер. То, что являлось и отчасти остается повседневностью для Чечни, теперь присутствует на всем северокавказском пространстве. Это становится похожим на системный процесс, питаемый глубокими источниками воспроизводства.

Трудно, как ни хотелось бы, принять оптимистическую гипотезу о том, что последние события на Северном Кавказе, несмотря на их шокирующее содержание, представляют собой остаточную, спорадическую реакцию на подавление организованного чеченского сепаратизма или разрозненные акции возмездия за поражение.

Однако нет и безукоризненно доказательных аргументов в пользу пессимистической версии о закономерной и неумолимой исторической эволюции, которая де обрекает Россию и Северный Кавказ на расставание.

В любом случае, известно практически все о прямых и опосредованных причинах, породивших нынешнюю ситуацию в

регионе. Некоторые акценты, предпочитаемые экспертами при объяснении происходящего, носят спекулятивный идеологический характер и неизменны на протяжении нескольких лет, хотя в реальной жизни многое скоротечно меняется.

Проблема не в том, чтобы каталогизировать причины кризиса и выстроить их в логический ряд. Гораздо важнее найти эффективные ответы хотя бы на те вызовы, природа которых в общем-то известна. Вместе с тем возможность точно идентифицировать эти вызовы отнюдь не делает их простыми и однозначными в своей сути. Дестабилизирующие факторы в специфических условиях Северного Кавказа переплетены порой настолько причудливо, неразрывно и хаотично, что бывает трудно выявить первичное и производное, закономерное и случайное.

Мы не ставим перед собой, в качестве главной, задачу раскрыть происхождение и характер угроз безопасности России, исходящих с территории Северного Кавказа: в экспертной литературе это сделано профессионально и почти исчерпывающе. Позволим себе лишь подвести некий суммарный итог тому, что очевидно.

Время назвать вещи своими именами. С 1991 г. идет медленный, но верный процесс утраты Россией своего суверенитета на Северном Кавказе. Фактический выход региона из государственно-правового поля Российской Федерации происходит по двум параллельным и тесно связанным направлениям. Условно их можно именовать «стихийным» и «осознанным». Стихийная составляющая этой взрывоопасной эволюции формируется благодаря повседневному социально-бытийным реалиям, отучающим население подчиняться законам России, которые едва ли не повсеместно воспринимаются не в качестве державообразующего института, а как источник наживы для одних, убытка для других, озлобления для третьих. Суверенитет России в правовой области упраздняется, так сказать, явочным порядком. Закон, со всеми его

базовыми функциями, ассоциируется в общественном сознании не с именем России, а с именами (или с красноречивыми кличками) местных «законоблюстителей», от которых зависит все. «Приватизировав» общефедеральные правовые нормы, люди, облеченные реальной властью, вольно или невольно ставят подведомственную им территорию вне пространства российской государственности. Не говоря уже о том, какой непоправимый моральный ущерб несут образ и репутация России в глазах ее собственных подданных и мирового сообщества.

Стихийные тенденции, однако, перестают быть таковыми там и тогда, где и когда они формируют социально-политическую, экономическую, идеологическую, культурную и психологическую среду, которая дает большую свободу действий конкретным людям с конкретными интересами – в одних случаях совпадающими, в других – враждующими, в-третьих – находящими компромисс. Реализация этих интересов осуществляется целиком и полностью за счет народа – его благосостояния, его безопасности, его нравственного здоровья. Именно здесь таится главная и самая страшная угроза – **абсолютная потеря управляемости общества**, чреватая неминуемым социально-политическим коллапсом не только на Северном Кавказе.

Коррупцированной власти не дано быть сильной по определению. Прекрасно это понимая, она старается максимально вооружиться против ненавидящего ее общества поддержкой Москвы, раздутыми штатами силовых министерств, союзом с местными олигархическими (читай – криминальными) структурами, прямым или закамуфлированным подкупом клановых лидеров, религиозных авторитетов, видных представителей интеллигенции, то есть всех тех, кто на региональном политическом поле вполне конкурентоспособен и поэтому опасен.

Для обеспечения бесперебойной работы административно-коррупционной машины этнократизированная власть идет на любые ухищрения. Ей важно убедить Кремль в том, что она незаменима в

данных обстоятельствах. Именно поэтому «данные обстоятельства» создаются искусственно. Местные политические и экономические элиты заинтересованы в стабильной обстановке лишь теоретически, поскольку одним из условий стабильности является прочный правопорядок, при котором понесут существенные потери люди, привыкшие играть по сложившимся правилам. Чтобы сохранить эти правила, употребляются разные средства. Стараются сохранить напряженность фактически во всех сферах общественных отношений. Ей не дают подняться до точки взрыва, но и угаснуть не позволяют. Удерживать подобного рода «термоядерные» процессы в управляемом режиме до сих пор удавалось, хотя и с огромными издержками.

Местной этнократической и криминализированной власти атмосфера чрезвычайщины нужна, как воздух. Это один из способов оправдать свое существование, доказать Кремлю свою незаменимость и заставить его не только смотреть сквозь пальцы на творящийся на местах административно-судебный произвол, но еще и платить этнократам дань за их лояльность к центру. Свой излюбленный девиз – «нельзя раскачивать лодку!» -- северокавказские феодальные князьки адресуют прежде всего Москве. А та и рада его повторять, делая вид, будто не понимает, что за этим кроется элементарный шантаж.

Даже не слишком больших поклонников конспирологических теорий удивляют весьма странные методы «борьбы» местных властей и спецслужб с бандитами и террористами. Многие из них никого не боятся, никуда не скрываются и наглеют с каждым днем, зная, что по целому ряду весьма веских причин их никто не тронет, поскольку кое-кому это просто не выгодно. Конечно, демонстративные жертвы на алтарь Фемиды приносить приходится, но делается это избирательно и осторожно.

Вопрос в том, как долго это может продолжаться.

* * *

Социально-политическая эквилибристика местного руководства ведет не к укреплению, а к ослаблению контроля над общей ситуацией. Глубоко порочна стратегия предержания власти, сводящаяся только к задаче самосохранения. Но другой она и быть не может при тех уязвимых тылах, которые нечем прикрыть в условиях разгула коррупции и безнравственности.

Принято говорить о *системности* северокавказского кризиса. Это, в трактовке Москвы, означает, что порождающие его факторы располагаются как бы в горизонтальной плоскости и тем самым играют более или менее равные деструктивные роли. Подобное толкование принципа *системности* обладает в глазах федеральных и региональных властных структур беспорным удобством – оно им выгодно как средство оправдания того, что происходит или не происходит на Северном Кавказе. Равномерное «распределение ответственности» за трагические события в регионе между объективными (или стихийными) причинами выводит из-под прямого удара критики тех, на ком лежит главная ответственность. Нет, это – не террористы, которые делают то, что им положено делать по их гнусной профессии и по их патологической сути. Это – власть, как система, которая не делает порой даже элементарного из того, к чему она призвана испокон веков.

Конкуренция или, точнее, война за доступ к рычагам управления той или иной северокавказской республикой идет между теми, кто уже несказанно озолотился, но хочет большего. Поразительно, что о гарантиях сохранения «нажитого» никто и не думает: это как бы само собой разумеется в нынешнюю эпоху. У крупного собственника нет страха потерять. Во всяком случае, со стороны государства и закона ему ничего не грозит. Он сам себе государство и закон. Его вседозволенность ограничена лишь пулей киллера. Но это уже побочные издержки жизни в современной России.

В местных предвыборных кампаниях, зачастую принимающих не только абсурдный, но и кровавый оттенок, состязаются вовсе не концептуальные программы, а люди, имеющие большие деньги, но нередко испытывающие недостаток во всем остальном.

На всех уровнях и во всех ветвях власти действует принцип естественного отбора, ставший сегодня едва ли не символом веры, олицетворением единственно возможной в природе и обществе справедливости. Критерием «естественности» в северокавказских (и не только) условиях является размер капитала, предназначенного для предвыборных расходов, и степень влияния в определенных социально-корпоративных слоях. К степени профессионализма соискателя государственных должностей это не имеет никакого отношения. (Порой, однако, трудно решить, кто принесет меньше вреда на ответственном посту – аморальный профессионал или еще не потерявший совесть любитель.)

Такая система – злокачественная изначально – постоянно плодит новые метастазы коррупции. Возможно, самые опасные последствия она может иметь в правоохранительной сфере, все больше напоминающей государство в государстве. Структура правоохранительных органов переусложнена и громоздка. Она предполагает многократное дублирование полномочий как внутри себя, так и с другими контролирующими органами. Отсюда непомерно разросшиеся штаты сотрудников, что уже само по себе является объективной предпосылкой, как минимум, для пропорционального увеличения масштабов злоупотреблений. Неэффективность деятельности милиции принимает порой почти анекдотичные формы, когда специализированное подразделение, насчитывающее 56 человек, выявляет за год 5 пустяковых правонарушений на всех потребительских рынках республики.

При хроническом дефиците государственного финансирования правоохранительных органов и отсутствии продуманного механизма стимулирования эффективной работы основным источником дохода того или иного сотрудника становится его собственная должность. Другой мотивации, кроме как выжать из своего служебного статуса по максимуму, у человека нет. Это придает ситуации черты порочного круга: почти полное падение общественного доверия и уважения к правоохранительным органам создало условия для массированного проникновения туда соответствующих, малообразованных, неразборчивых и не очень гордых людей, которые в свою очередь делают все, чтобы престиж профессии остался на том же уровне. Перемены, способные привести к насаждению иной морально-корпоративной атмосферы, в том числе к пробуждению чувства «обиды за державу», этим людям не нужны.

Зачастую даже физическое состояние кадрового состава в ряде подразделений милицейской службы абсолютно непригодно для выполнения профессиональных задач. В сложной оперативной обстановке мало проку от милиционера, едва помещающегося в патрульной машине и не способного пробежать и десяти метров.

Отсутствие четкого разграничения полномочий и строгой персональной ответственности в правоохранительных структурах порождает межведомственные и внутриведомственные конфликты интересов, которые носят не столько профессионально-сопоставительный, сколько материальный, стяжательский характер. Это особенно явно там, где дело касается правоохранительного надзора над высокоприбыльными сферами экономической деятельности предприятий и частных лиц. Нездоровая конкуренция между ведомствами нередко становится причиной срыва важнейших операций, в том числе антитеррористических.

Вместе с тем, вопиющими остаются проявления корпоративной круговой поруки. Система коллективной обороны от внешних и внутренних угроз принципу статус-кво действует жестко и изоциренно. Правдоискатель или нарушитель неписанных правил игры рискует очень многим. Сравнительно недавно введенные институты собственной безопасности устроены так, что включиться в систему коррупции им гораздо проще, чем бороться с ней. Поэтому говорить о результативности их работы не приходится. Пожалуй, наиболее высокой степенью внутрикорпоративной защиты отличается судопроизводство.

Концентрированным выражением морального разложения в правоохранительных органах являются частые случаи прямого предательства, приведшие к гибели многих сотрудников милиции и провалу ряда контртеррористических и других важных мероприятий.

И без того низкий уровень доверия населения к силовым структурам вообще сводится на нет грубейшими административными просчетами местных властей. (Если, конечно, это действительно просчеты, а не хорошо продуманные акции.) Так, в сентябре 2003 г. правительство Дагестана приняло постановление о скупке у граждан незаконно хранящегося оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ. Население проявило столь высокую активность, что предполагаемая сумма компенсации достигла 76 млн. рублей. Однако реально выплачено было 18 млн. рублей. Экономический «выигрыш» республиканского бюджета оказался несопоставимым с морально психологическим проигрышем. В результате работа по этому важнейшему направлению была прекращена. Возможно, тут не все так однозначно, как может показаться. (В конце концов, и это благое дело, при нынешней ситуации, нетрудно превратить в кампанию перепродажи.) Но одно очевидно: если уж затевается подобная операция, то ее надо додумывать до конца, и стратегически, и технически.

Крайне низок уровень раскрываемости преступлений в сфере наркоторговли, несмотря на учреждение специализированных правоохранительных структур с большим штатным расписанием.

Та же картина с незаконным оборотом водных биоресурсов и алкоголя.

Многочисленные факты свидетельствуют о том, что работники милиции являются частью системы нелегального бизнеса, обеспечивающей защиту от государства и конкурирующих преступных группировок.

Практически для всех госучреждений Северного Кавказа хронической является проблема подбора и расстановки кадров. Придя к власти, региональные «президенты» приводят с собой свои команды, укомплектованные не по принципу профессиональной пригодности, а по принципу личной преданности. Последняя – особенно в специфических условиях национальных республик – безусловно важна для достижения хотя бы минимальной функциональности власти на основе единства воли и действия. Однако превращение вассалитетной лояльности во всеобъемлющий сверхкритерий при назначении на должность порой совершенно упраздняет элементарные требования к профессиональным качествам соискателя. Верность вышестоящему лицу заменяет и образовательный ценз, и послужной список, и другие необходимые «реквизиты». В результате во власти оказываются абсолютно случайные и неподготовленные люди, все достоинство которых лишь в том, что они происходят из доверенного окружения, из «правильного» клана, из тесного братства партнеров по досугу, спорту, забавам ...

Уничтожение института партийно-советской номенклатуры фактически привело к развалу системы формирования и обновления кадрового резерва государства. На бумаге такой резерв существует, но для находящего в нем человека шансы занять государственную должность, имея за душой «лишь» свою профессиональную

состоятельность, незначительны. Такие основополагающие для госслужбы принципы, как конкурсный отбор, контракт и аттестация, не работают.

Безнадёжно архаичен и порочен механизм морально-статусного поощрения управленцев. Представления к высоким государственным наградам и продвижение по карьерной лестнице зачастую связаны не с реальными заслугами человека, а с иными, в том числе кумовскими, соображениями. Случается, что правительственных наград, премий и знаков отличия федерального значения удостоиваются люди, пользующиеся дурной репутацией и глубоким презрением общества. Некогда безупречный престиж государственных орденов, медалей, званий (и т.д.) пал до рекордно низкого уровня. В данной ситуации трудно надеяться на повышение эффективности и снижение коррумпированности региональных властей.

С такой системой ничего не случится до тех пор, пока в ней будут заинтересованы и федеральный центр, и живущий по тем же корпоративным нормам правящий класс северокавказской периферии.

Многочисленные факторы, подпитывающие и усугубляющие кризисную ситуацию на Северном Кавказе, имеют, помимо горизонтальной, еще и вертикальную структуру, то есть иерархический порядок. Что в нем находится выше и что ниже – вопрос сложный и, по большому счету, второстепенный. Главное в другом: на вершине «пирамиды» есть место только для одного фактора, вернее – сверхфактора, связанного с тотальным, прогрессирующим и коллапсogenным разладом системы местной власти. Властные инструменты в регионе утрачивают свои функции, предписанные им от века самой природой вещей. Все остальное – чем бы оно ни было, включая терроризм, -- в конечном итоге следствие этого процесса, неимоверно опасного и, возможно, даже летального для российской государственности.

Разрыв между властью и обществом на Северном Кавказе неуклонно нарастает, в отдельных республиках (Дагестан) приближаясь к критической точке. Это порождает два естественных для такой ситуации явления – социальную апатию и социальную агрессию. Первая плодит армию дезориентированных, политически пассивных маргиналов (наркоманы, алкоголики, бездомные, мелкие преступники и т.д.). Вторая представляет собой причину и следствие возникновения движения сопротивления с четко выраженным экстремистским акцентом. Иными словами, социальная база, откуда можно рекрутировать исполнителей преступных (в первую очередь террористических) акций, расширяется. В глазах определенной части местного общества эти акции предстают как ответ на преступления власти и получают известную легитимацию.

Жестокий произвол официальных властей дает некое моральное право применять экстремистские методы не только исламским фундаменталистам, но и так называемой системной, то есть легальной оппозиции. Это зачастую стирает грань между этими силами, по крайней мере, в поведенческом плане, хотя идеологически они остаются разными.

Разочарование и отчаяние заставляют широкие общественные слои отдавать свои симпатии (и в конце концов голоса) радикальным политикам очень сомнительной компетентности и еще более сомнительной нравственности, «программы» которых строятся на критике властей, призывах к этнической консолидации или идеях этнофедерализма, но не на конструктивных концепциях. Когда в результате «демократических» выборов эти люди получают доступ к властным рычагам, обществу не требуется много времени, чтобы понять свою очередную ошибку. К народу приходит ощущение, что он зажат между молотом действующей власти и наковальней оппозиционных партий, из которых некому отдать предпочтение. Это наносит глубокую

психологическую травму, усиливает чувство безысходности и накапливает потенциал для социального взрыва.

Вывод: существующая в России политическая система, впитавшая все пороки переходного времени и эклектически соединившая несоединимое, порождает совершенно гибельную модель для вертикальных и горизонтальных политических отношений сложившихся на всех этажах власти, начиная от поселковой и кончая федеральной. Низкая, а порой ничтожная эффективность властных структур, безраздельно ориентированных на стратегию самосохранения и расширенного самовоспроизводства, создает между ними и обществом глухой барьер непонимания, недоверия и ненависти. Абсолютно порочный политический менеджмент на Северном Кавказе возник из сложного переплетения многих факторов. Среди них – незрелость и бутафорность демократических институтов; упразднение лучшего и заимствование худшего из советской государственно-административной практики; игнорирование местной национально-культурной специфики; затянувшаяся смена политических поколений, в том числе из-за дефицита на молодых высокопрофессиональных управленцев нового типа и т.д.

* * *

Вместе с тем очевидная связь нынешнего кризиса на Северном Кавказе прежде всего с системным, многоуровневым и повсеместным распадом института власти не означает, что этот кризис не подпитывается из других источников.

Важным фактором остается социально-экономическая ситуация с ее фактически парализованной производственной составляющей и колоссальными диспропорциями в уровне благосостояния населения. Полный или частичный упадок основных отраслей местной экономики (сельское хозяйство, все виды промышленности, капитальное строительство, транспорт, туризм) привел к тяжелейшим последствиям,

не только сугубо экономическим, но и социальным. Предложение на легальном рынке труда десятикратно превысило спрос. Небывалые масштабы приняла трудовая миграция и безработица, прямым результатом которой стали психологическая депрессия и отчаяние.

На Кавказе, быть может, в большей степени, чем где-либо, самооценка человека – особенно мужчины и главы семейства – находится в жесткой зависимости от его востребованности – первого условия материальной и моральной состоятельности. Естественное стремление прокормить себя, семью, достичь определенной статусности на микро- или макроуровне выталкивает людей в незаконные сферы деятельности. Там имеются куда более широкие возможности для физического выживания, социализации и обретения престижа, чем те, которые предлагает (точнее, которых лишает) государство. Даже связанные с этим огромные опасности, в том числе для жизни, мало кого отпугивают.

Данная ситуация неизбежно создает мощную социальную базу и для криминогенных процессов, и для реальной, хорошо структурированной преступности с самыми изощренными видами специализации. Один из таких видов – терроризм, превращенный в бизнес по прейскуранту.

Против ожиданий, капитализм на Северном Кавказе (и по всей России) не только не решил проблему вывода ряда отраслей экономики из теневого сектора, но и загнал их еще глубже в этот самый сектор, ставший куда более агрессивным и криминальным, чем в советские времена.

Здесь уместно упомянуть расхожий миф о бедности северокавказского населения, в тиражировании которого, кстати, крайне заинтересованы местные власти. Они широко оперируют заведомо лукавой официальной статистикой (благо, другой нет), действительно фиксирующей низкий среднедушевой уровень доходов по республикам

региона. При этом реальные доходы гораздо выше, и формируются они в том же самом, мягко выражаясь, неформальном секторе. Иначе чем объяснить тот факт, что показатель объема золотовалютных операций в «нищих» северокавказских субъектах федерации едва ли не самый высокий по России.

Неслыханный размах приобрело воровство бюджетных средств на всех уровнях – от республиканских властей до крошечного госпредприятия. Местные инициативы, направленные на выколачивание из казны огромных сумм на различные целевые программы и сомнительные проекты, множатся как грибы после дождя. И самое любопытное, что большинство из этих ходатайств удовлетворяется.

Бюджетные ассигнования превращаются в лакомый кусок, доступ к которому контролируют чиновники, вступающие в совершенно коммерческие отношения даже с людьми и структурами, желающими получить законно им причитающееся, не говоря уже о незаконном.

Трагический сюрреализм северокавказской экономики состоит в том, что ее государственная составляющая стала едва ли не самой теневой и самой криминализированной сферой. Чиновничья приватизация бюджета с последующей его распродажей по рыночной стоимости полностью снимает с повестки дня вопрос о каких-либо перспективах экономического роста, удвоения ВВП и т.д.

Местные власти непосредственно заинтересованы в поддержании высокого уровня дотационности своих республик. Модель иждивенческой экономики выгодна нынешним правящим элитам региона, ибо она дает им мощные финансовые и иные рычаги для укрепления собственных позиций. С помощью хитроумных схем, включая своеобразные методики статистического учета, молчаливо саботируется бюджетная и налоговая политика государства. Даже по официальным данным, безусловно приукрашенным, налоговые

недоимки огромны, и это лишь одна из скрытых форм паразитирования на поступлениях из федеральной казны.

Другим «законным» способом изъятия денег у центра являются различного рода инвестиционные проекты, осуществляемые без всяких конкурсов и экспертиз. Мало того, что бюджет несет тяжелое бремя расходов на прямое инвестирование, из него выкачивают средства еще и на «стимулирование» инвестиционного процесса через посреднические инстанции, которым положены официальные комиссионные, сопоставимые с размерами самих инвестиций.

Но и это еще не все. Помимо совершенно осязаемого вознаграждения за содействие участвовать в инвестиционной деятельности компании получают также значительные налоговые льготы, тут же конвертируемые в «живые» деньги.

И, наконец, самое абсурдное и возмутительное состоит в том, что в итоге инвестиции вообще не доходят до адресата.

Естественно, на такое экономическое поле серьезные, законопослушные формы никогда не придут. Да их туда никто и не пустит, поскольку региональным властям и связанным с ними предпринимателям не нужен инвестор, не позволяющий себя обирать, как это позволяет российское государство.

В северокавказской экономике, включая ее стратегические составляющие федерального масштаба, нет такой отрасли, где злоупотребления и открытый произвол не приняли бы вопиющих форм, непосредственным образом угрожающих государственной безопасности России.

Быть может, одно из самых страшных последствий этого развивающегося процесса – социально-нравственная деградация общества, полная перестановка моральных ценностей с ног на голову, легитимация воинственно-агрессивных жизненных установок посредством ссылок на теорию и практику либерализма.

Что греха таит: западная либеральная философия, благословляющая свободную и естественную конкуренцию между людьми за место под солнцем, спровоцировала на Северном Кавказе возрождение деструктивных социально-культурных кодов и поведенческих норм, принятых в патриархально-родовую эпоху. Наиболее порочные заимствования у Запада дали на северокавказской почве буйные всходы, в том числе в виде нового издания старого кодекса кавказского молодечества: воровать у чужих не стыдно, а украсть миллионы среди бела дня и ни от кого не таиться – это уже джигитовка высочайшего класса.

Тут, разумеется, нужна принципиальная оговорка. Российские политические и экономические элиты в воровской удали нисколько не уступают своим северокавказским собратьям, а зачастую превосходят их. Возможно, в данном случае тоже срабатывает генетическая память, но уже связанная с другими культурно-историческими архетипами, которые во многих своих проявлениях ничуть не лучше кавказской патриархальщины.

* * *

Состояние социальной сферы представляет собой одновременно и симптом, и источник нынешнего прогрессирующего кризиса в регионе. Материально-техническая база здравоохранения и образования зачастую не удовлетворяет даже минимальным потребностям населения. Огромное количество зданий медицинских и образовательных учреждений нуждается в капитальном ремонте. Многие из них ветхи настолько, что представляют угрозу для жизни людей. Нередко в этих зданиях нет центрального отопления, водоснабжения, канализации и телефонной связи. В некоторых республиках средний износ медицинской техники составляет 80%, а потребность во врачебном персонале втрое превышает имеющуюся кадровую базу.

В ряде мест остро ощущается нехватка специалистов высокой квалификации, общее число которых крайне неравномерно распределено между северокавказскими республиками, с одной стороны, и между городом и селом, с другой. Постоянно растет показатель смертности на тысячу человек населения. Прямым следствием упадка лечебно-профилактической системы является рост инфекционных и эпидемиологических заболеваний. В Дагестане 65% детей имеют отклонения в состоянии здоровья, во многих случаях – тяжелые.

Скудный уровень федерального финансирования здравоохранения привел к резкому увеличению объема платных услуг населению. Возможность прибегнуть к ним имеется далеко не у всех, и это подрывает доверие к государству и надежду на него, способствуя дальнейшему накоплению социального напряжения.

Аналогичные проблемы стоят перед общеобразовательной сферой. Почти повсеместно наблюдается материально-техническая и кадровая недоукомплектованность учебных заведений, особенно в сельской местности. Многие школы работают в две и даже в три смены. Учителя находятся в бедственном положении. Бюджетные прибавки к их мизерной зарплате выплачиваются с опозданием и в урезанном объеме.

Требует особого внимания тот факт, что процент учащихся, продолжающих после средней школы обучение в профессионально-технических училищах, крайне низок. Отсутствие надлежащих стимулов для такой специализации ведет к очень опасному росту дефицита на квалифицированные рабочие кадры для промышленного производства.

Поскольку вузы региона не могут принять всех школьных выпускников (если бы могли, возникла бы абсурдная ситуация), образуется значительная прослойка молодых людей без работы, без жизненных перспектив, без веры в высокие моральные ценности. У них развивается апатия, отчаяние и депрессивный синдром, быстро

трансформирующийся в агрессию и поиск криминальных ниш для самореализации.

Совершенно другая возрастная категория северокавказского населения – пенсионеры – в силу естественных причин не способна, в отличие от молодежи, выразить свое недовольство в жесткой, общественно опасной форме. Но если местные власти считают, что с этой стороны им нечего бояться и поэтому можно безнаказанно продолжать свою политику в отношении престарелых и немощных людей, то они ошибаются.

Эксперименты такого масштаба и такого непродуманного (или, наоборот, продуманного) характера, как монетизация льгот, именно в специфических национально-культурных условиях региона чреватые серьезными угрозами. На Северном Кавказе сам по себе возраст – это уже априорное право на уважение и почет. Люди старшего поколения чаще всего встречают старость (с ее печальными спутниками болезнями) в окружении близких и родственников. На первый взгляд, это делает их менее зависимыми от государственных субсидий. Но у данной ситуации есть и другой аспект. При мизерных, а иногда просто символических суммах бюджетных вспомоществований (в сравнении с прожиточным минимумом) бремя немалых расходов на содержание стариков ложится на окружающих, и проблемы старого и больного члена семьи, фамилии, клана перестают быть только его проблемами. Удар, наносимый таким образом по семейным бюджетам, становится мощным источником социального раздражения против властных инстанций всех уровней.

* * *

Нельзя не учитывать, что причины системного кризиса на Северном Кавказе включают и другие (помимо социально-экономического) факторы. Среди них важная роль принадлежит этнополитическому. 1990-е годы оставили тяжелейшее, трагическое наследие межэтнических конфликтов разной степени интенсивности и

разного происхождения. Их последствия, не преодоленные до сих пор, усиливают кризисное состояние региона, проникая, подобно вирусу, во все клетки общественного организма, обладая способностью придать практически любому явлению и любой благой инициативе деструктивную направленность. Политических, экономических, клерикальных сил, стремящихся и умеющих играть на этом, предостаточно. Да тут и умения особого не требуется, учитывая отсутствие у государства последовательной и четко выраженной линии в данном вопросе, линии, которая вынуждала бы разрушителей проявлять максимальную изобретательность. От такой необходимости их избавляют в том числе и крупные стратегические ошибки федерального центра в области законодательства (из них, пожалуй, самая грубая – закон о реабилитации репрессированных народов, включающий «территориальную реабилитацию»).

Этнополитические конфликты породили, если так можно выразиться, «внутрирегиональную, внутрисубъектную сепаратизацию» - - стремление одних этнотерриториальных единиц выйти из-под власти других путем отделения. Прецеденты создания новых этнократизированных субъектов РФ сопровождали мощные сепаратистские тенденции в «дуалистических» и мультинациональных республиках Северного Кавказа.

Политическое поле региона, становясь еще более дефрагментированным, накапливает тем самым взрывоопасный потенциал. Рано или поздно этот потенциал может достичь критической точки, если поощрять процесс дальнейшего раздробления, имеющий следствием, как показывает опыт, не умиротворение этнократии, а лишь рост ее appetitov.

На сегодняшний день представляется недоказуемым предположение о том, что «внутрирегиональный сепаратизм» ослабляет мотивацию для сепаратистских устремлений по отношению к России.

Если действительно наблюдаемый спад подобных устремлений не является временной тенденцией, то связан он с другими причинами, а именно – с полным провалом «ичкерийского проекта».

В череде постсоветских потрясений на Северном Кавказе чеченский конфликт стоит особняком. Этот, во многом закономерный апофеоз катастрофических последствий развала СССР, вобрал в себя, в той или иной мере, все их разноликие проявления: политические, социально-экономические, этнокультурные, конфессиональные, межэтнические, межэлитные, межличностные и т.д.

Однако при всей своей «закономерности», которая находит те или иные обоснования в колоссальном количестве книг и статей (среди которых, между прочим, первоклассные расследования встречаются чаще, чем исследования) этот конфликт остается одной из самых загадочных страниц постсоветской истории. До сих пор вопросов больше, чем ответов.

Не вдаваясь в эту специальную тему, отметим лишь, что безусловно существовавшие объективные предпосылки для чеченского взрыва никогда бы не «сдетонировали» и не привели бы к столь умопомрачительным последствиям, если бы чьи-то интересы, воля, взгляды, предрассудки и целенаправленная работа не соединились в 1994 г. в безумном решении о проведении в Чечне полномасштабных армейских операций. А уже после этого вступила в свои права железная для подобных ситуаций логика, свидетельствующая, что начать войну легче, чем закончить. И то, и другое – если уж нет выбора – следовало делать с полным пониманием того, что, однажды решившись на применение силы, нужно непременно достичь победного (по крайней мере, с точки зрения поставленных стратегических целей) результата, прежде, чем прекращать войну.

Поскольку этот совершенно естественный для федерального центра сценарий не входил в планы определенных политических сил, не

вовремя законченная так называемая первая чеченская война с логической неизбежностью вылилась во вторую, принесшую новые жертвы, новые моральные потери, новые проблемы. Отказ от выбора в пользу наименьшего зла (то есть в пользу победного завершения первой войны) обернулся во второй половине 1990-х годов большим злом, расплодившимся в Чечне и вокруг нее.

Мы, как это не покажется странным, даже не обсуждаем вопрос о той немалой доле вины, что лежит на ичкерийских лидерах. В великой стране всю ответственность за происходящее несут в первую очередь и главным образом руководители государства. Они либо умеют, либо не умеют выполнять свои прямые обязанности по поддержанию жизнеспособности и целостности вверенного им огромного цивилизационного организма. В последнем случае всегда находятся желающие и умеющие этим воспользоваться.

В конечном счете, чеченский сепаратизм с его мощной криминальной и идеологической составляющей был выращен, вооружен и поощрен на радикальные действия Москвой. Кто бы и что бы ни стояло за ичкерийским проектом, этот дьявольский замысел был обращен против чеченского и всех других народов России. Пресечь его на корню любыми способами – в этом состояла первейшая задача федеральных властей. Коль скоро они с ней не справились или не захотели справиться, нити игры взяли в свои руки влиятельные люди из российского политического истеблишмента, работавшие на развал государства. Но и у них ситуация вышла из-под контроля, поскольку она развивалась уже по «законам» стихии, в которой лучше всего сориентировались криминальные и религиозно-экстремистские элементы.

Ичкерийский проект показал свою полную несостоятельность до того, как по нему в конце 1990-х годов был нанесен повторный удар. Искусственно сконструированная, декоративно-утопическая идея, не

имеющая исторических и социально-культурных корней, силой и обманом навязанная большинству чеченцев, изначально была обречена на отторжение. Но последствия ее насильственного претворения в жизнь Джохаром Дудаевым и образовавшимся вокруг него преступным сообществом (заложником и жертвой которого он сам в конце концов и стал) оказались ужасными по своим масштабам и потенциалу.

В постсоветской Чечне выросло целое поколение, умеющее только стрелять, взрывать, грабить, похищать людей. В нем надолго поселилась ненависть к русским, к России, ко всему миру. Искореженное войной сознание молодежи стало легкой добычей для проповедников исламского фундаментализма, хлынувших в Чечню отовсюду, через незащищенные границы России и ее соседей. Этот социальный слой, вооруженный боевыми арсеналами, экстремистскими идеями и финансовыми средствами, превратился в источник расползания чеченского конфликта по всему Северному Кавказу, в экспортера бедствий в другие российские регионы. Но и в самой Чечне сохраняется питательная почва если не для воспроизводства, то, как минимум, для консервации конфликтогенных факторов объективного и субъективного характера.

И еще один негативный побочный эффект событий в Чечне заключается в том, что у северокавказских политических элит (включая новую власть в Грозном) появилась возможность спекулировать на чеченском синдроме, шантажируя Кремль перспективой получить еще не одну Чечню, если он вздумает идти против их неумных интересов. Поддаться такому шантажу – значит совершить громадную ошибку.

Перевод чеченского конфликта из острой военной фазы в латентное, вялотекущее состояние – безусловное достижение последних лет. Но это не повод для благодушия. Установившееся равновесие в Чечне весьма хрупко, поскольку оно поддерживается за счет негласно санкционированного Москвой фактического выхода региона из-под

правового, финансово-бюджетного и административного контроля со стороны центра. Понятно, что на эту своеобразную форму оплаты лояльности местных властей Кремль пошел не от хорошей жизни. На сегодняшний день это, возможно, единственный способ предотвратить резкое обострение ситуации.

Похоже, Москве еще долго придется мириться с особым статусом Чечне и глядеть сквозь пальцы на самоуправство тамошнего политического руководства, которое, помимо всего прочего, дорого обходится российскому бюджету. От этой рассроченной расплаты за постсоветской ошибки и провалы, видимо, никуда не деться. Хотя мир на чеченской земле стоит нисколько не дешевле, чем война, он, по крайней мере, того стоит.

Однако такая неопределенность не может длиться вечно. Чеченское общество, расколотое не только на официальную власть и разношерстную оппозицию, но и на многочисленные соперничающие и враждующие между собой фамильные, политические и экономические кланы, представляет собой постоянный источник нестабильности. Сегодня это общество во многом олицетворяет возврат к естественному состоянию, к той форме самоорганизации, которая, особенно на фоне современных мировых постиндустриальных процессов, мало чем отличается от социальных стихий, характерных для догосударственных отношений.

Дальнейшее вольное или невольное ослабление федерального фактора лишь усилит тенденции к патриархализации, криминализации и хаотизации Чечни со всеми вытекающими последствиями для Северного Кавказа и России.

Создается впечатление, что насаждаемая в 1990-х годах в СМИ воинственно-либеральная идея о неизбежности отделения Чечни от России тихо трансформировалась в «прагматичную» версию о

безальтернативной необходимости ее умиротворения путем фактического предоставления самой себе.

Опасное заблуждение. Делегирование «вниз» властных полномочий, традиционно принадлежащих федеральному центру – в какой бы закамouflированной форме это ни осуществлялось – целиком отдаст Чечню на откуп тем силам, которые, быть может, даже не по своей воле, вновь превратят ее в нестерпимую головную боль для окружающих.

Местные «политики-почвенники», опять-таки под давлением культурно-исторических обстоятельств, или под воздействием химер, поселившихся в их головах, будут возрождать в Чечне цивилизационную модель, не имеющую ничего общего с модернизационными планами России и других стран в XXI веке. И добьются своей цели, если этому не противопоставить нечто более привлекательное и жизнеспособное. Не следует опасаться того, что это «нечто» нарушит естественный порядок вещей: любые инновации (а обойтись без них сегодня просто невозможно) носят искусственный характер по определению. Критерием «правильности» служат не категории «естественный» или «искусственный», а безопасность и благополучие людей, -- как показал опыт, совершенно недостижимые в условиях реставрации патриархального общественного строя.

* * *

Фактором огромной разрушительной силы на Северном Кавказе явился образовавшийся в результате развала советской системы идеологический вакуум. Многие полагали, что он будет быстро заполнен либерально-демократическими, «общечеловеческими» ценностями, к коим почему-то отнесли неукротимую стихию рынка, стяжательскую философию, законы естественного отбора, основанные на инстинкте выживания, коммерциализации всего и вся, западные культурно-поведенческие и потребительские стандарты и т.д.

Вскоре обнаружилось, что цивилизационная революция обернулась для России катастрофическими потерями в сфере культуры, самосознания, морали и нравственности. Молодежь – будущее страны – оказалась особенно уязвимой перед натиском чужеродной, низкопробной суб-культурной продукции. Произошла тотальная десакрализация и дегуманизация всего того, что нужно беречь как зеницу ока. Жизнь стала театром абсурда, а патология – нормой жизни.

Однако любая цивилизация – а Россия, безусловно, является таковой – обладает системой самозащиты от внешних вторжений, которая рано или поздно срабатывает. Сработала она и у народов нашей страны, приняв разные формы – от богоискательства и возрождения традиций до строительства наций-государств, и легализации идеи национальной исключительности, величия и превосходства.

Утрату коммунистической идеологии с его мега-концептами, утверждавшими братство и единение советских народов перед лицом грандиозной цели создания нового общества процветания и справедливости, заменили не либерально-демократические ценности, как ожидалось, а национал-экстремизм, ксенофобия, религиозный фундаментализм. В результате на российском федеративном поле четко проступили прежде невидимые или умело скрадываемые разделительные линии.

Особенно на Северном Кавказе, где межнациональная вражда и столкновения на этой почве стали обыденностью. Многим политическим и общественным деятелям поддержание такого состояния выгодно. Вне его они не представляют себе возможностей для своей личностной и профессиональной самореализации.

Местная интеллигенция (чаще вольно, чем невольно) подливает масла в огонь, помогая создавать образ врага тем, что изобретает «великую», «классическую» историю своего народа, возвышая ее над историческим прошлым «соседей-варваров». Последние, точнее их

современные потомки, тоже не остаются в долгу, выпуская большими тиражами несусветное количество глупостей о том, что спасение кавказских народов – в возрождении «универсалистских» ценностей общинно-родового строя.

На все это можно было бы закрыть глаза, как на безобидные псевдо-интеллектуальные забавы северокавказских историков, которым позволили открыто выяснять отношения друг с другом. В действительности дело гораздо серьезнее: в эти «академические» споры вовлекается общество, поскольку спорщикам непременно нужны трибуна и публика. Пропаганда «настоящей правды» о «нас» и о «них» ведется в школах, вузах, СМИ и т.д. В целом ряде учебных материалов по истории народов Кавказа, предназначенных для студентов и школьников, целенаправленно культивируются националистические идеи, а также антирусское и антироссийское видение исторических сюжетов. История России вообще и русско-кавказских отношений в частности нередко подается таким образом, чтобы возбудить чувства недоверия, неприязни, ненависти.

Формируется некая параллельная, этноцентричная система образования и воспитания, постепенно вытесняющая общенациональные учебные программы в области гуманитарных дисциплин. Такому подходу к «воспитательному образованию» во многих случаях никто и ничто не противостоит.

Отсутствие официальной идеологии породило, с одной стороны, нежелание вмешиваться в процесс духовного воспитания (и атрофировало умение это делать), с другой – агрессивное стремление различных миссионерских сил воспользоваться данной конъюнктурой.

Некогда единая (каковой ей и положено быть) государственная стратегия в такой жизненно важной области, как культура и просвещение, превращена в бессистемную деятельность на мозаичном, если не сказать хаотичном, поле, именуемом «плюралистической

картиной мира». Лучше всего с этой «картиной» разобрались те, кто заведомо работает на развал России. Иначе и быть не может: когда государство утрачивает контроль над «высокими идеологическими технологиями» -- образованием, воспитанием и социализацией подрастающего поколения – то эти технологии, не терпящие вакуума, переходят к антигосударственным силам. А это уже отнюдь не безобидные вещи, которые становятся очень опасными на фоне развития еще одной параллельной образовательной структуры – конфессиональных школ, специализирующихся на подготовке экстремистски ориентированных идеологических кадров. Их задача – покуда успешно реализуемая – вывести ислам из сферы культуры, этикета и бытовых норм в широкую область политики и политической борьбы.

В итоге развивается процесс раздробления культурного, учебно-образовательного и даже языкового пространства России, в котором Северный Кавказ становится все более чужеродным телом.

* * *

Уникальное географическое положение испокон веков являлось для Северного Кавказа и благословением и проклятьем. Находясь в зоне умеренно континентального климата, отличаясь сбалансированным сочетанием гористо-лесистой местности, плодородной низменности и степного ландшафта, регион был почти идеальным местом для всех видов традиционного хозяйствования.

Его экономический потенциал дополнялся геостратегическим. Северный Кавказ располагался на важнейших исторических маршрутах, соединявших Восток и Запад, Север и Юг. Это были оживленные пути миграции, торговли, культурного и цивилизационного общения. Наличие широких выходов к Черному морю и Каспию значительно усиливало, так сказать, транзитную функцию Северного Кавказа. Связь «Север-Юг» и «Юг-Север», осуществлявшаяся по побережью Черного и

Каспийского морей, а также по перевальным дорогам через Кавказский хребет, объединяла Северный Кавказ с Закавказьем в единый геополитический комплекс.

Нужно, однако, подчеркнуть, что геополитическую цельность Кавказу придавали не только внутренние, объективные (природно-географические, демографические, этнокультурные и т.д.) факторы, но и та все более возрастающая роль, которую он играл во внешней, главным образом военной, политике крупных соседних государств.

Кавказ, как лакомый кусок сам по себе и перекресток торговых, переселенческих и культурных дорог, в истории всегда был яблоком раздора. В античные времена его южная часть превратилась в стык империй – Персидской и Римской, которую сменила Византия, а затем Османская империя. На этом стыке периодически скапливалось обычное для межимперских отношений напряжение, находившее выход в войнах и переделах территорий.

Северный Кавказ – во многом благодаря горному хребту – находился на периферии этой борьбы. Но со временем он втягивается в нее глубже. Со второй половины XV века – когда Черное море становится «османским озером», а Крымский полуостров – бесценным стратегическим резервом для Порты – имперские амбиции турецких султанов начинают простираться дальше на восток, к нижнему Поволжью и берегам Каспия. В свою очередь не менее амбициозные персидские шахи делают все, чтобы не допустить этого. Северокавказское пространство становится ареной столкновения, приобретающей самостоятельное значение.

Но апогея в своем геополитическом развитии регион достигает тогда, когда он приковывает к себе внимание Московского государства. Оно, решая проблемы безопасности своих оголенных южных границ, постепенно осознавало, что Северный Кавказ дает державе, владеющей им, исключительные преимущества. Эта естественная крепость

обеспечивает такую степень неуязвимости, которая непроизвольно превращает регион в потенциальный плацдарм для наступления: соответственно на север, если он попадает в руки Турции или Ирана, и на юг, если им завладевает Московское царство.

Это понимание или скорее некое геополитическое чутье, обостренное чувством незащищенности, заставило русских царей вступить в долгую и изнурительную борьбу сначала за Предкавказье, а затем за Северный Кавказ. Со второй половины XVI века Московия-Россия претендует на роль третьего крупного игрока на причерноморско-каспийском пространстве и даже своеобразного регулятора баланса сил между Ираном и Турцией. По мере укрепления своей военной, политической и экономической мощи русское государство все более отчетливо превращается в одну из вершин геополитического треугольника, внутри которого обострялось соперничество за обладание Кавказом. В начале XIX века Российская империя выходит победителем из этого соперничества, и Кавказ становится для нее важным геополитическим, экономическим и культурным приобретением.

Но, будучи в составе России, территория между Черным и Каспийским морями оставалась предметом интереса сопредельных, проигравших держав. Это во многом объяснялось реваншистскими и престижными соображениями. Тегеран расстался с ними раньше, чем Стамбул, поскольку прогрессирующий упадок государства в Иране был выражен ярче, чем в Турции.

Впрочем, дело не только в стремлении к реваншу, но и в невероятно гипертрофированных субъективных представлениях о «русской угрозе». Избавиться от них и вправду было трудно: Россия заполучила плацдарм, геостратегический потенциал которого намного превышал его физические размеры. Он открывал возможности для продвижения вглубь Анатолии, к Средиземному морю, к Персидскому

заливу, в Закаспий и Среднюю Азию, граничившую с Афганистаном и с британской Индией.

По этой причине Кавказ прямо вовлекается в англо-русское противоборство или «большую игру» на Востоке, и опосредованно – в европейскую международную политику. Англия включает Кавказ в сферу своих жизненно важных интересов и отстаивает их с помощью жесткой, комплексной и весьма последовательной стратегии. Лондон берет курс на вытеснение России из этого региона, используя сложную ситуацию Кавказской войны, а также растущие опасения Турции и Ирана, подпитываемые сохраняющимися у них реставраторскими притязаниями.

Да и сами британские лидеры испытывали определенное беспокойство по поводу «русской угрозы» Индии. Рассматривая Кавказ как часть системы обороны своей колонии, Англия действовала наступательными, порой даже агрессивными средствами. Она оказывала на Петербург политическое, дипломатическое, военное и морально-идеологическое давление. Разделяя его или нет, Лондон активно поощрял британское и европейское общественное мнение в заблуждении о том, что движение мюридизма и все с ним связанное (а зачастую совершенно не связанное) является борьбой за свободу, независимость, прогресс и демократию против деспотической, экспансионистской и отсталой России. Как утверждалось, право цивилизовать и всесторонне осваивать Кавказ должно принадлежать просвещенному Западу (читай – Англии). Правда, подчеркивалось и стратегическое значение региона как для британских колониальных интересов, так и с точки зрения восстановления европейского равновесия сил, якобы опасно нарушенного русскими завоеваниями в конце XVIII – начале XIX в., в том числе на Кавказе.

После победы России над Шамилем и сопутствующего упрочения ее позиций в регионе шансы на его отторжение от Российской империи

сокращаются практически до нуля. И хотя Англия однажды все же предпринимает попытку обострить кавказский вопрос в связи с новой вспышкой волнений в Чечне и Дагестане в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг., становилось ясно, что она предпочитает отказаться от политики прямого вызова в адрес России.

Во второй половине XIX – начале XX в. Запад, уже не оспаривая права России на Кавказ, активно включается в процесс экономического освоения региона, осуществляемый под контролем Петербурга. Эта территория, при всей своей национально-культурной специфике, была настолько органичной частью империи, что осталась вне борьбы великих европейских держав за раздел и передел колониального мира.

Западный капитал присутствовал в экономике (но не в политике) Кавказа ровно в той мере, в какой это позволялось и было необходимо российскому правительству. Данное ограничение несколько не мешало вовлечению региона в общую систему мирохозяйственных связей с несомненной обоюдной выгодой и для России и для Европы. Уже тогда начали закладываться основы той энергосырьевой базы и тех энерготранспортных маршрутов, которые сегодня приобрели глобальное измерение.

Первая мировая война, революция и смута в России (1914-1921 гг.) изменили на Кавказе многое и радикально. Это было прямым продолжением процессов, происходивших по всей империи в условиях военных поражений, резкого ухудшения экономического положения, распада государственной власти, обострения социальных противоречий и политической борьбы. В результате последовали революция, гражданская война и иностранная интервенция.

Но общероссийские неурядицы имели на Кавказе и свое специфическое преломление. С ослаблением имперско-административных скреп вылились наружу межэтнические и межконфессиональные конфликты, вдобавок к тем линиям социально-

политического раскола, что были характерны для всей России. Большие и малые народы региона перед лицом внешних угроз и внутреннего распада стали искать свои пути спасения, то есть такие способы самоорганизации, которые смогли бы хоть как-то заменить прежние имперские структуры.

Главной движущей силой этого процесса были местные этноэлиты, сформировавшиеся в период пребывания Кавказа в составе России, не просто под влиянием, а в самом русле российской цивилизации. Возвращенные ею выдающиеся представители национальной интеллигенции в принципе никогда не ставили вопрос об отделении от России. Они с гордостью ощущали себя носителями великого культурного синтеза двух начал – имперского и традиционно-этнического. Подавляющее большинство из них писало и думало по-русски, по-российски. Они были прежде всего политической и культурной элитой империи с высоким уровнем корпоративной сплоченности и соответствующим типом самоидентификации, которую можно назвать наднациональной, имперской идентичностью.

Многие считают парадоксальной закономерностью тот факт, что российская цивилизация (отчасти являвшаяся для народов Кавказа транслятором европейских идей) сама вскормила этнонациональное самосознание, породившее сепаратизм и разрушение Российской империи. Если тут позволительно говорить о парадоксе, то он в другом: национальная идентичность, в принципе построенная на размежевании «мы -- они», в условиях российского Кавказа являлась не антитезой имперской надидентичности, а ее составной частью. Этнос ощущал себя таковым не только потому, что обладал коллективными отличительными признаками (язык, обычай и т.д.), но зачастую потому, что его объединяло чувство гордости за лучших своих представителей, которые, добившись выдающихся успехов – каждый на своем поприще – автоматически приобретали статус фигур всероссийского,

наднационального масштаба. Понятие «мы» приобретало высокий пафос и глубокую идентификационную суть не в противопоставлении себя другим, а в отождествлении себя с гораздо более крупным сообществом, с его материальной и духовной мощью, с его авторитетом и престижем в мире.

До эпохи потрясения (1914-1921 гг.) имперская идентичность, характерная для кавказских элит в большей или меньшей степени, служила надежным противовесом от сепаратистских проектов. Их значение в истории Кавказа и тем более их жизнеспособность сильно преувеличены, как правило, в угоду политико-пропагандистским и конъюнктурно-идеологическим соображениям.

Почему-то поставлено вне предметов, достойных дискуссии, расхожее мнение о том, будто образование в 1918-1921 гг. псевдodemократических квазигосударств в Закавказье и на Северном Кавказе является свидетельством исторически предрешенного крушения Российской империи, в данном случае – ее южного яруса. Утверждается идея о принципиальной невозможности существования кавказских народов в рамках такой сверхдержавы, как Россия, ввиду их цивилизационной несовместимости с ней и негативного опыта общения. В ее составе Кавказ удерживался якобы только силой, и ослабление этого фактора естественно повлекло за собой долгожданное самоопределение.

Нам эти положения представляются отнюдь не столь очевидными, равно как и констатация факта гибели Российской империи в 1918-1921 гг., вроде бы не подлежащая сомнению.

Народы Кавказа искали спасения вовсе не от России, а от тех угроз, от которых Россия всегда их защищала, но временно утратила эту способность. В результате Февральской и Октябрьской революций, а также подписания Брестского мира 1918 г. окончательно развалился Закавказский фронт. Замаячила перспектива борьбы за раздел

российского имперского наследства на Кавказе с участием Турции, Германии, Англии и Франции. В обстановке хаоса, неопределенности, разгула внутренних усобиц и начавшегося иностранного военного вмешательства закавказские и северокавказские народы были вынуждены самостоятельно заботиться о способах организованного выживания.

По обе стороны Хребта возник целый ряд формально самостоятельных государственных образований, составивших причудливую мозаику унитарных и федеративных единиц. Они имели разное социально-политическое, этническое, конфессиональное устройство, разные и очень неустойчивые внешнеполитические ориентации. Их «официальные» названия, управленческие институты, законы, декларации, атрибутика, как правило, не соответствовали их внутреннему содержанию и поведению по отношению к соседям. Общие черты, присущие всем им в той или иной мере – аморфность, институциональная недоразвитость, военная и экономическая слабость, отсутствие прочных социальных связей, воинствующий национализм.

Недостаток государственно-административного опыта у новоиспеченной этнократии и ее стремление компенсировать это имитацией бурной политической, дипломатической, полководческой деятельности придавали молодым самостийным государствам несколько карикатурный вид. В этом смысле, вероятно, самым экзотическим феноменом было создание на территории Дагестана «красного имамата» -- теократической по форме структуры, фактически контролируемой большевиками.

Возможности всех этих «государства» справиться со стоявшими перед ними проблемами сужались до безнадежного минимума самим содержанием данных проблем. Похоже, наиболее фундаментальная из них заключалась в том, что государственные образования носили ярко выраженный искусственный, чрезвычайный характер и учреждались как

система, так сказать, аварийно-спасательных мер против тотального распространения стихийного, антисистемного, разрушительного начала. Они создавались и функционировали по принципу ad hoc, без ясных целей, четких задач, глубоко продуманной стратегии.

Во многих случаях это были декоративные творения местных интеллигентов, жаждавших применить свои теоретические знания на практике и полагавших, что это так же просто, как критиковать действия царской администрации на Кавказе. Люди образованные и зачастую даже умные, они много читали о законах развития общества, но не умели управлять им и глубоко недооценивали специфичность и самостоятельность политической деятельности как профессии и призвания. Неожиданно переместившись из литературных салонов в чиновничьи кабинеты, они по сути не заметили, что оказались на абсолютно другом, жестоком и не прощающем ошибок поприще. Их реформистские эксперименты стали продолжением прежних салонных умозрительных игр в национальную государственность, международную дипломатию, парламентаризм, федерализм, права человека и т.д.

Простой народ не понимал языка, на котором с ним пыталась говорить либеральная интеллигенция, другим языком не владевшая. Впрочем, она и сама себя понимала с трудом. В ее среде не нашлось харизматических, выдающихся лидеров, способных сплотить народ и вокруг себя, и вокруг великой объединяющей идеи, вместо которой обществу предлагалось эклектическое и путаное нагромождение взглядов, теорий, прожектов, иллюзий. Для решения острейших межэтнических, межконфессиональных, хозяйственно-экономических и других вопросов это было бесполезно.

Тем не менее, время самостийных экспериментов, пусть и обреченных на неудачу по многим причинам общего и частного свойства, -- поразительный период в истории Кавказа. Это был момент истины, наполненный глубоким драматизмом, парадоксами и

неумолимой логикой. Он вобрал в себя грандиозные итоги и грандиозную инерцию предшествующего имперского развития, ставшие социально-энергетическим зарядом для мощного цивилизационного рывка в будущее.

Повторим: при всей наивности, утопичности, а порой и просто комедийности государственно-строительных опытов на Кавказе в 1918-1921 гг. народы региона показали такой уровень гражданственно-политического творчества и зрелости, который еще каких-то полвека назад был им совершенно неведом. Этот поразительный рост в конечном счете нечем объяснить, кроме как решающим влиянием Российской империи на историческую эволюцию кавказских (и не только) народов.

Благодаря стремительному социально-экономическому, политическому и культурному развитию в конце XIX – начале XX вв. Кавказ превращался из патриархального, сельскохозяйственного и крайне обременительного придатка России в индустриальный регион с большими городами, с соответствующей социальной структурой и урбанической инфраструктурой. Всесторонняя модернизация делала Кавказ фактором силы, а не слабости России. И чем очевиднее этот регион становился продолжением общероссийских противоречий и недугов, с одной стороны, и самостоятельным источником специфических, межнациональных неурядиц, с другой, тем меньше, как ни странно, оставалось шансов на его уход из империи.

Логика истории обнажила простую житейскую истину: народам Кавказа, видимо, действительно нужно было пройти через лихие годы хаоса и экспериментов, чтобы осознать не столько то, чего они хотят, сколько то, что им точно не по душе. Их стремительное политическое возмужание стало объективно благоприятным фактором для тех, кто не прочь был использовать его в имперско-реставраторских целях.

В 1918-1921 гг. общее пространство бедствий, трагедий и надежд само по себе являлось цементирующим материалом для Кавказа и

России. Дело было за организованной политической силой, способной понять это и знавшей, как использовать ситуацию.

Так случилось, что этой силой оказались большевики. Те самые большевики, громче которых никто не возвещал о неизбежности распада Российской империи и больше которых никто не сделал для ее сохранения, точнее, превращения ее в империю Советскую. В отличие от своих многочисленных соперников в борьбе за власть над сознанием масс, они выдвинули Проект построения для трудящихся всех национальностей государства благоденствия и справедливости на основе уничтожения всех форм эксплуатации. Он был прост и привлекателен для подавляющей части населения России. Его поистине библейский размах и обещание тысячелетнего царства рабочих и крестьян никого не смущали. Это был символ веры и объединяющий миф, а уже потом программа действий. Непревзойденные политтехнологи, большевики считали самым важным вдохновить массы на великую цель, а не рассказывать о трудностях на пути к ней, всего масштаба которых они и сами не представляли.

Применительно к реалиям Кавказа большевистский проект оказался вне всякой конкуренции, поскольку он провозгласил высшим законом благо простых тружеников, противопоставив интернационал угнетенных, где нет «ни эллина, ни иудея», интернационалу угнетателей. Проведя четкую линию социального размежевания, большевики за счет этого ослабили межэтнические противоречия до беспрецедентного уровня.

Утверждение о том, что советская власть была принесена на Кавказ на штыках 11-й Красной Армии, -- удобное своей элементарностью объяснение, возникшее из-за нежелания вникать в более глубокие причины феноменального успеха большевиков, то есть -- отдать им должное. Они вчистую переиграли всех своих оппонентов на Кавказе прежде всего политически или, выражаясь современным

языком, политтехнологически. Их представления о том, как именно строить новую жизнь, были куда менее определенными, чем представления монархистов о способах реставрации жизни старой или взгляды либералов на идеальное государство. Совсем не в этом заключалось превосходство большевиков, а в безупречно точном понимании того, какие слова и действия необходимы «здесь и сейчас». В их лозунгах, в отличие от деникинских, не было имперской риторики, а был горячий призыв к самоопределению наций, что создавало впечатление об их полной солидарности с кавказскими националистами. Но ни то, ни другое не отражало подлинных намерений большевиков. Не произнося этих слов, они выступали за «единую и неделимую Россию» -- только Россию не помещиков и капиталистов, а рабочих и крестьян. По сути, большевики предлагали самоопределяться угнетенным внутри наций, иначе, как они предостерегали, последует «самоопределение» местной этнократии, которая простым людям не принесет ничего хорошего.

В Закавказье и на Северном Кавказе не потребовалось много времени, чтобы убедиться в верности этого прогноза. Местные буржуазные, как их принято называть, правительства меньше всего заботились о народе, показав полную беспомощность в области государственного управления, экономики, внешней политики, урегулирования межэтнических и религиозных конфликтов. Их агрессивный национализм, непомерные территориальные притязания и неумные личные амбиции превратили и без того плохо контролируемую ситуацию в хаос и катастрофу.

Если бы кто-то нарочно задался целью подготовить на Кавказе почву для торжества большевистских идей, то он не смог бы справиться с этим лучше, чем это нечаянно удалось противникам большевиков. Нисколько не преуменьшая значение силового фактора в политике,

подчеркнем: Красная Армия лишь логически завершила то, что давно требовало завершения.

Советская власть победила на Кавказе, в конечном счете, не военной силой, а силой идей и умением убеждать в своей правоте. Кроме того, ее тактические задачи упрощались социально-психологическим состоянием масс. Народы устали от войны, смуты, беспорядка, междоусобиц, нужды. Либералы, национал-сепаратисты, исламисты и другие небольшевицкие партии говорили о вещах малопонятных и не вызывавших доверия: «учредительное собрание», «горский парламент», «федеративный союз», «пантуранизм», «черноморская республика» и т.д. Большевики же обратились к людям с элементарными лозунгами: «заводы -- рабочим», «земля -- крестьянам», «мир -- народам». И «вся власть -- Советам», кроме которых никто не в состоянии реализовать эти обещания. При таком соотношении качества аргументов противоборствующих сторон большевики не могли не выиграть идеологическое состязание.

На победу Советской власти работало еще одно, так сказать, историческое обстоятельство. На Кавказе всегда был высок спрос на третейскую силу, способную примирить и объединить народы, в рамках более или менее цельной государственной структуры. Большевики целенаправленно эксплуатировали это обстоятельство. Во всяком случае, у них хватало чутья, чтобы оценить всю его значимость. Более того, на Кавказе традиционно уважали не только третейскую, но и просто силу. Тут у большевиков тоже нашелся весомый довод – закаленная в боях Красная Армия, превосходившая по мощи всех возможных военных противников к северу и к югу от Кавказского хребта.

Беспорная приверженность интернационализму не мешала большевикам проявлять имперские наклонности. Хотя они ради сохранения власти были готовы на временные территориальные

жертвы* , геополитические императивы заставляли считаться с собой. Во многом благодаря именно этим императивам большевики постарались сохранить преемственность имперского понимания роли Кавказа в истории России вообще и в грядущей судьбе Советского Союза, в частности.

Сложные перипетии внутренней жизни кавказских народов в 1914-1921 гг. спровоцировали активное вмешательство иностранных держав: сначала Германии и Турции, затем Англии и Франции. Империалистическая война за геополитический и экономический раздел мира на фоне индустриально-технологического бума резко подняла ценность Кавказа как геостратегической позиции, источника энергоресурсов и рынка сбыта. Спустя более, чем полвека Кавказ вновь стал объектом международных противоречий. Запад старался не допустить ни возвращения этого региона в состав России, ни появления там Турции. Последняя искала возможности компенсировать потери от военных поражений и развала Османской империи, в том числе за счет распространения своего влияния, а также идей пантуранизма среди тюркских и мусульманских народов Кавказа.

Запад стремился использовать в качестве точек политической опоры в этом регионе молодые независимые государства Закавказья и различные марионеточные образования на Северном Кавказе. Но все они были настолько непрочны, разнолики и неуправляемы, что не годились даже для роли инструмента внешнего влияния. Окончательно запутавшись в хитросплетениях местной, «азиатской» политики, Англия и Франция начали утрачивать интерес к Кавказу.

В принципе, хорошо зная, чего они хотят, западные эмиссары совершенно не представляли как этого добиться в столь головоломной ситуации. Им нужен был Кавказ как сфера политического и

---

* Одна из них, увы, оказалась не временной. Как выяснилось в итоге, Западная Армения или Карская область была потеряна безвозвратно. Остается лишь гадать, насколько оправданна и неизбежна была эта жертва. И пошел бы на нее Сталин, будь он на месте Ленина, в геополитическом чутье которого в данном случае можно усомниться.

экономического контроля, организованная в соответствии именно с этой задачей, то есть – просто и удобно для управления. Будет ли это достигнуто путем поддержки демократических институтов или иначе – не имело принципиального значения. В конце концов, Лондон, Париж (и Стамбул) поняли, что на распутывание сложных кавказских узлов у них уйдет такое количество сил и средств, которыми они на тот момент явно не располагали.

Зато у большевиков этих самых сил и средств оказалось достаточно. И не столько для распутывания, сколько для разрубания узлов с помощью простой политики разделение мира на «черное» и «белое», политики, доступной пониманию подавляющей части населения Кавказа. В этом регионе, как и по всей России, гражданская война и иностранная интервенция закончились победой большевиков. Она, свидетельствуя о наличии у их лидеров феноменальной политтехнологической сноровки, воплощала еще одно, не менее важное явление – не истощившую себя имперскую инерцию и имперские, глубинные, цивилизационные связи. Явно или подспудно они давали о себе знать во многом, а главное – в настроениях народов и в российской «сверхидентичности» их культурных элит.

Именно это (конечно, помимо всего прочего) большевики почувствовали тонко и точно. Идею имперской преемственности они называли другими именами, сыграв на ней сколь виртуозно, столь и парадоксально. И тем выше был класс игры, чем яростнее звучали из уст большевиков слова, клеймившие имперское прошлое и «тюрьму народов». Они строили «новый мир», но не могли и не хотели отменять старых законов геополитики.

Получив у кавказского населения кредит доверия и понимая, что он не бесконечен, большевики использовали это ценное приобретение прежде всего для консолидации своей власти в регионе, которую они уже стали воспринимать не только как цель (коль скоро она достигнута),

но и как средство реализации их гигантского социального проекта, в данном случае – в области национально-государственного строительства вообще и на Кавказе, в частности.

Партийно-советская власть, будучи уникальным симбиозом собственно административных инстанций и параллельной управленческой системы, так сказать, надгосударственного уровня (ВКП (б)), оказалась почти идеальным инструментом для решения задачи, в которой – как и в случае с квадратурой круга – не существует идеального решения. Речь – о национальном вопросе в условиях кавказских реалий. Одним из главных показателей эффективности стратегии его решения следует считать относительно быстрые темпы стабилизации общей обстановки на Кавказе после 1921 года. Видеть в них результат применения силы можно лишь в той мере, в какой любое государство для обеспечения собственной безопасности опирается на силовое принуждение в прямой или косвенной форме.

Конечно, сопротивление новым властям на Кавказе, когда оно имело место, подавлялось. Но преувеличивать размах и организованность этого сопротивления нет оснований. Оно носило спорадический, разрозненный и разнонаправленный характер. Антисоветский вектор отнюдь не всегда совпадал с антиимперским, антирусским, антиатеистическим и т.д. Лишенные массовой поддержки и внутреннего единства, оппозиционные движения либо терпели поражения, либо самораспадались, либо вырождались в банальное абречество.

При всех специфических трудностях утверждения советской власти на Северном Кавказе и в Закавказье она несомненно имела широкую социальную опору, как правило, избавлявшую от необходимости делать ставку только на силу. Большевицкая Россия, подобно самодержавной России в первой половине XIX в., олицетворяла (пусть и не всегда оправдывала) для кавказских народов надежду на мир,

стабильность, экономическое благополучие. Советская власть дала этой надежде новое идеологическое содержание, успешно конкурировать с которым не могли ни буржуазные национал-сепаратисты, ни исламисты, ни монархисты. Объединительный потенциал этой идеологии был огромен изначально, но он еще больше усилился под впечатлением небывалых достижений первых пятилеток. Идея, принятая на веру, стала приносить ощутимые материальные дивиденды.

Что касается морально-психологических и культурных итогов развития советского Кавказа в 1920-1930-е годы, то они не менее очевидны. Вызвавшая массовый энтузиазм великая цель построения коммунизма произвела переворот в массовом сознании. Поразительные успехи СССР в области науки, техники, производства и культуры, соответствующим образом поданные пропагандой, лишь укрепляли всеобщее убеждение в верности избранного пути.

Среди разных слоев населения с разной степенью выраженности стала формироваться советско-имперская идентичность – новый тип цивилизационной идентичности, воплощавший гордое чувство принадлежности к громадной державе, строящей коммунизм и указывающей человечеству путь к спасению. Это чувство явно доминировало в многоярусной системе самоотождествления человека – со своим аулом, городом, этносом, республикой, профессией и т.д.

Поиску оптимальных подходов к национальному вопросу на Кавказе способствовало еще одно важное обстоятельство. Партийно-советская власть, как механизм, обладала высоким коэффициентом полезного действия, достигнутым, в том числе, за счет ее способности обеспечивать постоянное воспроизводство космополитической государственной элиты. Целенаправленно формировавшаяся из представителей самых разных этносов, она была жестко ориентирована на решение сверхзадачи – построение социализма и коммунизма. Интернациональный характер этой элиты служил дополнительным

крепёжным материалом и для властной вертикали, и для единства общества.

Кроме того, внутри правящего класса существовала корпоративная идентичность, основанная не только и порой не столько на общих номенклатурных признаках (должности, привилегии, престижная атрибутика и т.д.), сколько на осознании огромной ответственности за судьбу страны, что давало мощный жизненный стимул и порождало особое, коллективное чувство избранности и гордости за оказанное доверие.

Косвенным – а иногда и прямым – подтверждением успехов Кремля в национально-государственном строительстве на Кавказе является тот факт, что военно-политические планы фашистской Германии в отношении этого региона предусматривали широкое использование «колониального» опыта царской России и советской власти (включая, между прочим, колхозную систему). В Берлине понимали всю сложность задачи найти конкурентоспособную альтернативу тому, что придумали и успели внедрить большевики, и поэтому решили пойти по пути скорее заимствования, чем разрушения.

Великая Отечественная война – как трагедия и триумф – стала беспрецедентным фактором дальнейшего сплочения советского общества и укрепления имперского самосознания, теперь уже в его «сверхдержавной» модификации.

Это в значительной степени относится и к «наказанным народам», жестоко и несправедливо поплатившимся за предательство определенной части северокавказского населения, которая оказывала активное пособничество гитлеровцам. Дело в том, что многие представители этих народов героически сражались с общим врагом, ценой жизни и невероятных усилий приближали День Победы. Этот день, как великий символ, объединил их со всей многонациональной страной. Оставшиеся в живых возвращались с войны увенчанные славой. Они

стали гордостью и искуплением для своих народов, которые были, в конце концов, возвращены на родину.

Послевоенное развитие Кавказа прошло под знаком дальнейшего упрочения «морально-политического единства» советского общества. Победа в войне воспринималась (конечно, не без влияния соответствующей пропаганды) как очевидное доказательство высокой жизнеспособности Системы, выстоявшей в смертельной схватке с гигантской военной, экономической и идеологической машиной Третьего рейха. Применительно к Кавказу это интерпретировалось еще и как торжество советской национальной политики. От партийных пропагандистов тут и особых изощрений не требовалось – в понимании такого рода вещей массовое сознание вполне обходилось без подсказок, тем более когда они звучали слишком назойливо.

Многонациональное братство по оружию, общие испытания, общая скорбь и общая победа дали советским людям новые стимулы для жизни и веры в будущее, новый духовный опыт и новую страницу исторической памяти. Все это создавало дополнительную основу для развития советской идентичности. Данный феномен получал мощнейшую подпитку по мере превращения СССР не только в военную, но и в экономическую, идеологическую, культурную и спортивную сверхдержаву. Кавказские народы имели все основания для гордого чувства сопричастности к этому.

Бессмысленно было бы отрицать наличие на Кавказе в советские времена явных и латентных проблем разной степени потенциальной взрывоопасности. Они требовали к себе большого внимания и творческих подходов. Очень часто не хватало ни того, ни другого, что в перспективе сыграло свою негативную роль. Мы, однако, намеренно не акцентируем эти проблемы. В аналитической литературе они заакцентированы и заангажированы настолько, что уже прибавить нечего.

Вместо того, чтобы вносить какие-то штрихи в эту совершенно одноцветную картину, нам представляется более важным исправить образовавшийся очевидный крен. Во всяком случае, с точки зрения здравого смысла, положить кое-что на другую чашу весов и даже переусердствовать в этом было бы полезнее, чем продолжать твердить, будто главной причиной развала СССР как цивилизационной системы был сам СССР как мертворожденная многонациональная агломерация.

* * *

За 1990-е годы образовалось целое сообщество российских и зарубежных интеллектуалов, претендующих на роль «предсказателей» распада Советского Союза. Другие же честно признаются в том, что ни о чем подобном они и помыслить не могли – настолько прочным казался этот колосс при всех его проблемах. Позволим себе, для последующего удобства, употребить по отношению к этим двум типам восприятия случившегося свободную метафору: «авгуры» и «пессимисты». Подобное различие прямо проецируется на методологию изучения причин гибели СССР. Авгуры видят в этом событии абсолютную, математическую закономерность и выстраивают весь процесс исторического развития страны таким образом, чтобы логически состыковать его с «судьбоносным» 1991 годом. Все, что не укладывается в логику распада, попросту изымается из процедуры анализа.

Здесь нет места вдаваться в подробности, связанные с порой весьма изысканной техникой сборки такого рода построений. Отметим лишь одно обстоятельство. «Школа авгуров» появилась почти одновременно с победой большевиков. На Западе и в России многие и неоднократно предсказывали скорое и неминуемое падение их власти, а затем и их беспрецедентного политико-архитектурного творения – СССР. Несть числа этим предсказаниям, источник которых коренился скорее в страстном ожидании желаемого, чем в трезвом осмыслении действительного.

С течением времени вместе с надеждой стал иссякать и творческий запал авгуров, новые поколения которых уже рассматривали крушение СССР не как обозримую перспективу, а как далекий идеал, возможно и нереализуемый. Это, кстати говоря, благотворно повлияло на уровень исследования советских явлений: с предвосхищения желаемого акцент постепенно перекладывался на изучение действительного. Вероятно, именно поэтому авгуров застал врасплох и 1985, и 1991 год, как бы они ни отрицали это задним числом.

Школа пессимистов возникла позже школы прорицателей. Она относилась к Советскому Союзу несколько не лучше. И несколько не меньше мечтала о его развале. Но при этом пессимисты все же предпочитали оставаться на почве реальности, а не во власти грез. Чем больше успехов демонстрировал СССР, тем глубже и кропотливее становились западные пессимисты в своем анализе, и тем чаще они оправдывали свое имя. Их вывод был таким: если когда-нибудь с советской системой и случится катастрофа, то ждать придется очень долго. Эту точку зрения разделял самый компетентный и самый информированный на Западе аналитический институт – ЦРУ.

Позволим себе и мы высказать наше, далеко не уникальное мнение по данному вопросу. Состояние, в которое пришел СССР в начале 1980-х годов и которое знакомо любому государству и цивилизации, называется «кризисом». Это сложное диалектическое явление представляет собой закономерный этап жизни всякого общественного организма, а отнюдь не синоним летального исхода. Кризис в широком смысле слова – тотальный вызов всей структуре и тотальное испытание всех ее составляющих. Выдержат они это или нет – зависит не от приговора неких фатальных исторических сил и не от какой-то первородной обреченности, а от живых людей во власти, способных или неспособных понять природу кризиса и, соответственно, либо взять

управление им в свои руки, либо стать его жертвой вместе с вверенной им страной.

Европа и США неоднократно оказывались в глубоком кризисе. Каждый случай обыгрывался советской пропагандой как приближение неминуемой гибели капитализма. Мы уверовали в это настолько, что стали воспринимать большие и малые неурядицы Запада именно в таком ракурсе. В этом плане, быть может, самое сильное впечатление на советское руководство произвели два «нефтяных шока» 1970-х годов.

Сделанный вывод был абсолютно порочным: «загнивание» капитализма вступило чуть ли не в предсмертную фазу, остается лишь ждать, развивать экстенсивную сырьевую экономику и наращивать советское военно-политическое присутствие в мире. Кажущееся ослабление противника, к несчастью, совпавшее с возникновением острых геронтологических проблем в кремлевских верхах, спровоцировало СССР на ряд решений, фундаментально ошибочных по сути и поэтому катастрофических по последствиям.

Советские политики явно преувеличили нежизнеспособность одной Системы и неуязвимость другой. Их принципиально неверное истолкование (понятие «анализ» едва ли применимо к близорукой логике высшего партийного руководства) глобальных тенденций очень быстро – уже в начале 1980-х годов – привело к ситуации, которую мало кто из коммунистических лидеров ожидал. Запад ответил на суровые вызовы времени умно, собранно и стратегически выверенно. Перейдя на энергосберегающие технологии и интеллектуально емкие отрасли производства, он сумел в кратчайшие сроки обратить кризис в обновление, в компьютерную революцию и в плацдарм для экономического, военно-политического и культурно-идеологического наступления в общепланетарном масштабе. Эта виртуозная метаморфоза была произведена не «законами» истории, а умом и волей западных политиков и, естественно, обслуживавшей их армией интеллектуалов.

Пока в Кремле ждали завершения «третьего (последнего – авт.) этапа общего кризиса капитализма», в состоянии упадка приходили советская экономика, политика, управление, идеология, мораль. И это было прямым следствием того, что на угрожающую для Запада конъюнктуру 1970-х годов у нас не нашлось лучшего ответа, чем беспечно-самоуверенная бездеятельность во внутренней политике и дорогостоящий авантюризм во внешней.

Когда настал черед кремлевских старцев показать, на что пригодны защитные механизмы советско-партийной системы перед лицом кризиса, то оказалось, что эти механизмы – безусловно существовавшие – некому привести в действие по причине, которую один видный политолог назвал «нищетой лидерства».

У СССР не хватило не ресурсов прочности, а тех политиков, кто знал бы, как нужно пользоваться этими ресурсами. Это, пожалуй, самое удивительное в истории с распадом (или развалом) Советского Союза, учитывая богатую политическую школу, которую проходили высшие партийные номенклатурщики.

А дальше удивляться почти нечему. После 1991 года вступила в полную силу внутренняя логика любого деструктивного процесса, зашедшего за «точку невозврата».

Одно из его наиболее опасных проявлений – резкое усиление геополитического напряжения на периферии бывшего Советского Союза и нынешней России. Едва ли не самым угрожающим «тектоническим» разломом стал Кавказ – не только по причинам, связанным с эксплуатацией каспийских ресурсов, стратегической и транзитно-коммуникационной функцией региона, но и потому, что Кавказ рассматривается на Западе как один из ключевых геополитических рычагов для предотвращения реставрации советского имперского пространства и для дальнейшей дефрагментации собственно России. В

этой связи особое значение приобретает территория к северу от Кавказского хребта.

Появились мощные внерегиональные и внероссийские силы, глубоко заинтересованные либо в консервации, либо в дальнейшем обострении нынешнего положения на Северном Кавказе, который основательно задействован в «большой игре» на «великой шахматной доске» современной мировой политики. Но как бы кого ни подмывало употребить в этой связи слово «заговор», оно совершенно неуместно. Тут вообще нет смысла гадать или подозревать, поскольку все абсолютно ясно и открыто. Идет нормальная, жестокая, по-своему честная борьба за геополитический, экономический, культурно-цивилизационный и конфессиональный передел мира в соответствии с изменившимся после холодной войны соотношением потенциалов крупных держав. Если мы захотим проиграть в этом сражении, то есть гарантия, что мешать нам никто не будет.

Самый удобный и беззатратный способ «решения» всех вышеперечисленных проблем – списать их как неизбежные издержки переходного периода и плыть вниз по течению к глобальному океану саморегулируемого капитализма и либерализма. Какой от этого толк? Разве что обмануть и утешить себя, прежде чем потонуть в этом океане. Но есть и другой путь: если издержки переходного периода грозят стать приговором для России, то с этим периодом надо заканчивать как можно скорее.

* * *

Подчас мы намеренно оперируем упрощенными образами. Лишь потому, что ведь и речь-то в принципе идет о предельно простой и именно поэтому драматичной дилемме – жизни или гибели Российской Федерации. Отторжение Северного Кавказа (де-факто и тем более де-юре) с сопутствующей перекройкой границ будет означать одно – прекращение существования в его нынешнем виде государства под

названием Россия. Это не кликушеская гипотеза. Это жесточайшая реальность обозримого будущего, которое наступит с неотвратимостью циклического природного явления, если позволить сегодняшним тенденциям развиваться в русле их естественной логики.

Неизбывное «что делать?»

Ответ знают все. И «наверху» и «внизу». Но по разным причинам молчат или недоговаривают. Впрочем, на Северном Кавказе глас народа звучит абсолютно внятно. Негодующие массы людей на улицах и площадях Беслана, Владикавказа, Нальчика, Махачкалы, Майкопа и других городов отчаянно вопрошают об одном: «Доколе?! Что еще должно произойти, чтобы власть стала Властью и выполняла свои прямые обязанности и обязательства перед обществом?!». Вопросы эти адресуются не горским «президентам», которым никто и никогда не верил, а Президенту, которому пока еще верят.

Но ресурс этого доверия иссякает. Потому что всё и все остаются на прежних местах, продолжая действовать для себя и бездействовать для общества. Хуже того, региональные элиты умело эксплуатируют в общем-то справедливую идею о том, что «рыба гниет с головы». На вопросы они отвечают вопросом: «Чего вы хотите от нас, когда в Москве творится Бог знает что?». Эта тактика «перевода стрелок» нередко срывается. Она приучает общественное мнение видеть в порочной политике местного руководства молчаливое кремлевское благословение.

Вроде бы и Кремлю есть чем оправдаться. Он может обратиться к классике советской политической афористики: «Других писателей у меня нет». Это, однако, нисколько не спасает положение. Если нет «других», в чем позволительно усомниться, то тогда нужно заставить имеющихся «писателей» работать иначе. Необходимо найти и задействовать жизненно важные стимулы, способные в корне изменить философию и поведение правящего класса. И, если угодно, употребить

все разнообразие методов внеэкономического и экономического принуждения.

У властей предержажших, как правило, нет иной цели и иной сверхзадачи, кроме самосохранения и самовоспроизводства. Это ни хорошо и ни плохо. Это – данность, связанная с природой политики вообще. А если так, то ее нужно не искоренять (что бесполезно), а использовать. Забота о безопасности и благополучии людей должна стать для политиков выгодным, престижным и совершенно обязательным занятием.

Написано невообразимое количество статей, аналитических сводок и книг о терроризме, религиозном фундаментализме, этнократизме, клановых мафиях, круговой корпоративной поруче, сращивании государственных и криминальных структур. Прежде всего именно в этом контексте идет исследование факторов, которые придают региональным процессам стабильно негативную динамику. Многочисленные официальные структуры с большим энтузиазмом поддерживают данное направление аналитической работы, вольно или невольно уводя огромные интеллектуальные силы с более важного, если не сказать магистрального, пути. Этот путь требует от исследователей другой методологии анализа северокавказских реалий, других выводов и других рекомендаций для практической политики.

Расхожие ссылки на «трудное время перемен», в котором нам выпало жить, пришлись по вкусу тем, кто устроился в этом времени сытно и вольготно и не хочет делать ровным счетом ничего для того, чтобы оно закончилось. Скорее наоборот: тихо взывая к продлению «прекрасного мгновения», они отнюдь не тихо саботируют любые попытки изменить нашу общую (а не внутрикорпоративную) жизнь к лучшему. Для успокоения не слишком счастливых россиян их убеждают в том, что иначе и быть не может «на крутом переломе истории». Железная закономерность, видите ли. И с ней ничего не поделаешь...

Да нет в ней ничего «железного», когда есть здравый смысл, воля и нравственность у людей во власти! В России всё и всегда определялось прежде всего этими категориями. Вот с такого рода закономерностью действительно ничего не поделаешь.

Так называемые глубинные (то бишь неотвратимые) исторические процессы, якобы происходящие на Северном Кавказе, носят, повторимся, вторичный, производный характер. Первично другое: системно-функциональная и моральная деградация власти, государственности и административного управления. Или, если пользоваться физическими терминами, «вакуумизация» власти.

Сетовать на то, что разряженное пространство, то есть «свято место», заполняется ваххабитами, террористами, националистами и другими деструктивными силами, равнозначно жалобе человека на угон автомобиля, оставленного им на целый день на улице без присмотра с распахнутой дверью, работающим двигателем и кучей денег в салоне.

Среди многочисленных ухищрений власть имущих одно из самых безнравственных заключается в стремлении переложить борьбу с террористами-профессионалами, требующую адекватного профессионализма от соответствующих органов, на плечи общества. Ссылаясь на необходимость широкого привлечения населения к программе профилактических мероприятий по упреждению терроризма, а также на неизлечимость «чумы XXI века», государство тем самым признается либо в собственном бессилии, либо в злом умысле.

Растиражированный, в том числе в СМИ, тезис о терроризме, как о неизбежном зле, охотно подхвачен теми, кто не может или не хочет, хотя обязан по долгу службы, искоренить это зло. Нет ничего невероятного в предположении, что существуют легальные политические силы, не заинтересованные в полном уничтожении терроризма, который является их невольным союзником в деле целенаправленного манипулирования обществом, попросту – зомбирования.

Держа людей в страхе, терроризм не оставляет им другого выбора, кроме как всецело довериться своему единственному защитнику – действующей власти. А та пользуется этим в целях, никак не связанных с общим благом.

* * *

На Северном Кавказе вечный русский вопрос «что делать?» давно уже перерос свою риторическую фазу. Ответа на него наши терпеливые люди, возможно, могли бы ждать неопределенно долго, если бы это ожидание не оборачивалось страшными трагедиями, перед которыми меркнет абсолютно все.

И ответ этот есть. Уберите мотивы, соблазняющие или вынуждающие человека становиться террористом, фундаменталистом, национал-радикалом, сепаратистом, лихоимцем, банальным уголовником. Предложите ему альтернативный, более привлекательный жизненный сценарий. Поставьте каждого преступника – независимо от его социального и материального статуса – перед лицом скорого и неотвратимого наказания. Что касается непосредственно террористов, то нужно сделать так, чтобы они предстали либо перед справедливым законом, либо перед законной справедливостью. И тогда наши злокачественные болезни сойдут на нет. Точнее, они переместятся в более слабые, иммунно незащищенные государственные организмы.

Как это сделать – проблема оперативно-техническая, при всей ее сложности в условиях нынешнего социально-политического и морального разлада российского общества, лишенного идеи, веры и достатка. В этом обществе пока еще сохраняется согласие в одном: у России должно быть будущее, и ее хвори, хотя и опасные, не есть смертный приговор. Когда совершенно истощится и эта надежда, то геополитические грезы Бжезинского станут реальностью.

Независимо от того, существует историческая предопределенность или нет, и уж тем более независимо от изготовленных для нас прогнозов

необходимо действовать. Не медля, но без спешки и лихорадки. С какого бы конца ни братья за дело, нужен мощный и эффективный инструмент. Он уже давно изобретен и называется институтом Власти. В России вообще и на Северном Кавказе, в частности, его надо привести в рабочий порядок. Только тогда появятся рычаги прямого управления процессами, принимающими хаотический характер, и прямого воздействия на причины и следствия, которые часто и заведомо путаются.

В истории России – так уж повелось – все созидательные и разрушительные планы зарождаются, вызревают и осуществляются сверху. Сейчас институт Власти, в том состоянии полураспада, в котором он находится в северокавказских республиках, является *главным источником и катализатором* социально-катастрофических тенденций. Нельзя жалеть ни сил, ни средств для капитального ремонта, переналадки и, если понадобится, полного обновления этого механизма. Политика стоит очень дорого, экономия на ней – куда дороже.

Власть и общество в России тяжело больны. На Северном Кавказе, ввиду его исторической и современной специфики, положение намного сложнее. Прежде чем власть не исцелится сама, она не имеет права, да и попросту не сможет, лечить «паству».

В отличие от вечно мятущейся и рефлексирующей российской интеллигенции, чиновничий класс в России хорошо знает, чего он хочет и как достичь желаемого. Поскольку эти эзотерические «знания» сегодня направлены против интересов общенародного благополучия, проблема проблем заключается в построении системы, способной кардинально поменять вектор приложения усилий и талантов политико-административного сословия.

Правящий класс добровольно никогда не пойдет на ущемление своих интересов. Также маловероятно, что его побудят к этому печальные картины окружающей действительности, потенциально

губительной и для власть имущих. Эта объективная реальность будет и впредь игнорироваться в упор, пока не отвалится сук, на котором восседал дружный коллектив пильщиков, вместе со всем нами. Однако есть все же шанс, что политической элите достанет спасительного благоразумия подчиниться воле, доводам и личному примеру харизматического лидера (или лидеров), ведомого более высокой страстью, чем стремлением пробыть и продлить свой срок во власти.

Власть, как историческая система выживания, регенерации и развития социума, всегда функционирует с издержками, представляющими для общества неизбежное зло. В высоко цивилизованных государствах сфера, где граждане могут ощутить это зло на себе, сужено до предела.

Нигде в мире люди не испытывают особой любви к институту Власти. Его и не нужно любить – он не для того существует. Населению Северного Кавказа тоже не нравится власть, но еще больше не нравится ее отсутствие, которое, как никогда остро, актуализирует вопрос о соотношении свободы и безопасности. Сегодня эти два понятия, точнее два идеала, в северокавказских обществах являются сообщающимися сосудами в большей степени, чем где бы то ни было: чем выше уровень одного, тем ниже уровень другого. Такая ситуация малоприятна, но иметь дело приходится и еще долго придется именно с ней.

Массовое сознание населения Северного Кавказа не просто лояльно к идее укрепления властной вертикали – оно требует перейти наконец от слов к делу. Рядовые труженики готовы к стратегическому союзу с Кремлем в деле обуздания безбрежного разгула «своих» политических элит. «Низы» ждут ясных сигналов о решимости высшей власти взять «новый курс». Нашего Президента, который от таких сигналов пока в общем-то воздерживается, понять нетрудно. Ожесточенное сопротивление тех, чьи интересы пострадают в результате смены вех, почти гарантировано, в самых изощренных формах – от

мелкого саботажа до организованного протеста с привлечением всего арсенала политтехнологических средств, включая крупные провокации и даже террор. На этот случай в распоряжении у верховной власти есть проверенный прием – прямая апелляция к народу. Негодование «низов» против преступного чиновничества, с одной стороны, и политическая воля Кремля, с другой, поставят разложившийся правящий класс между Сциллой и Харибдой.

Уж чего, а полномочий для перехода к такому курсу у Кремля предостаточно. Похоже, что наш Президент по типу своей личности склонен воспринимать власть не как цель, а как средство. Тогда зачем сосредоточивать ее в своих руках, если она не используется адекватно? Это все равно, что поставить на велосипед реактивную турбину, а приводить ее в движение по-прежнему педалями.

В борьбе со стоголовым драконом коррупции добиться полной победы невозможно, поскольку это не игра с нулевой суммой. Но нанести чувствительный удар вполне реально, хотя и совсем непросто. Если Кремль решится взять в союзники трудящиеся массы Северного Кавказа, то шансы на победу повысятся. Кроме того, кто мешает верховной власти употребить против разгулявшегося служилого сословия те же высокие политтехнологии? Да и особых ухищрений во многих случаях не понадобится. Быть может, самый сильный козырь в кремлевской колоде – наличие одного важного житейского обстоятельства: обогатившемуся административному классу есть что терять. Это, не исключено, подвигнет его мозги и инстинкты к элементарному умозаключению – если возникает выбор между самоубийственным риском нелегального умножения своего богатства и гарантированным сбережением того немало, что уже имеешь, то лучше предпочесть последнее. Перед лицом именно такой дилеммы нужно поставить тех, кто этого заслуживает.

И вот тогда уж и от Кремля потребуются отступные в виде пресловутой экономической амнистии. Однако не следует предоставлять ее всем без разбора и автоматически. В таких кампаниях непременно нужны жертвы, выбрать которые необходимо с умом, из числа самых одиозных фигур, бросающих демонстративно оскорбительный вызов, который нестерпим даже для общества с девальвированными понятиями о чести, совести, справедливости.

* * *

Умение найти точно выверенное сочетание жесткости и прагматизма особенно понадобится Кремлю на Северном Кавказе. Прежде всего необходимо расстаться со стереотипом, проповедники которого призывают оставить в этом взрывоопасном регионе все, как есть, и ни в коем случае не трогать якобы самое святое для местного населения – вековой уклад их жизни. Кто-то придерживается этого взгляда вполне искренне, исходя из добрых побуждений и хорошего этнографического образования, а кто-то просто боится пострадать, если статус-кво будет нарушено.

Однако и те, и другие едины в аргументации. Она известна. Это и Кавказская война XIX века, это и кровавый хаос на Северном Кавказе в 1918-1921 гг., это и более поздние вооруженные выступления горцев против советской власти и т.д. Но самый главный довод – чеченский конфликт, ход и последствия которого столь трагичны.

Не имея возможности углубляться в анализ данных аргументов (мы уже неоднократно это делали), отметим лишь, что они – при кажущемся типологическом сходстве – во многом разноплановы, поскольку соотносятся с совершенно конкретными и непохожими друг на друга историческими ситуациями.

Что касается «козырного» довода – Чечни – то сегодня он скорее выгоден, чем убедителен, ибо заставляет «обжегшихся на молоке» «дуть на воду», и психологически это вполне понятно. Как и понятны мотивы

многих из тех, кто неустанно повторяет: «Северный Кавказ трогать нельзя!».

Можно и нужно трогать! И не просто трогать, а многое менять коренным образом – хотя бы потому, что хуже не будет. О невозможности повторения худшего говорит не только теория вероятности, но и тот факт, что вторая чеченская война резко отличалась от первой и по срокам, и по результатам, и по восприятию ее массовым сознанием. И именно поэтому третьей чеченской (или другой) войны на Северном Кавказе не бывать.

Однако то, что при нынешней динамике развития региона возможно в принципе, не менее опасно – относительно бескровный развал России, который, если начнется, начнется на юге.

Произойти это может по «конституционно-демократическому» сценарию. Суть его в следующем. Социальная, политическая и экономическая ситуация на Северном Кавказе окончательно выходит (или выводится) из-под федерального контроля, при сохранении или даже усилении контроля региональных властей. Усталость местного населения от хронических неурядиц поднимет массовые чувства разочарования и апатии до такого уровня, когда идея эвентуального отделения от России станет восприниматься спокойно и даже с надеждой на лучшее.

Очень чуткие к такого рода сигналам этнократические элиты найдут тогда изощренные способы для мощного лоббистского давления на Москву, в том числе с помощью «передовой» либеральной интеллигенции и федеральных политических деятелей соответствующей ориентации. (Это, конечно, задача не одного дня и не одного человека. Но ведь над развалом СССР тоже трудились многие и долго.) СМИ получают заказ на культивирование в российском обществе таких умонастроений, которые, в конце концов, окажутся лояльными к идее выхода северокавказских субъектов из состава России. Для начала

придумают, со ссылкой опять-таки на «прогрессивный» международный опыт, какую-нибудь формулу «нового федерализма», допускающего свободные, ассоциированные связи территорий в рамках единого государства. Потом негласно (или гласно) установят некий переходный период, по истечении которого от этого самого единого государства ничего и не останется.

Нет сомнений, что при подобном раскладе событий «заграница нам поможет», в том числе и материально: Северному Кавказу – обрести «долгожданную свободу», а Москве – смириться с очередной и, тогда уж точно не последней, геополитической потерей.

Подчеркнем: это отнюдь не предрешенный сценарий, но ничего фантастического в нем тоже нет. Он вполне реален хотя бы потому, что последние 15-20 лет отучили нас удивляться чему-либо.

* * *

Авторы считают уместным повторить, что не ставят перед собой задачу разработать детальный план стратегического развития Северного Кавказа (это дело политиков, а не аналитиков), мы лишь предлагаем не спеша подумать над некоторыми принципиальными идеями.

Одна из них – изменение административно-государственного (но не территориального) устройства региона. Сконфигурированное под советско-партийную систему, оно могло эффективно функционировать и функционировало (хотя и не без сбоев) только внутри нее. В нынешнем виде и в нынешних реалиях жизни это устройство представляет собой мощный источник этнократизма, сепаратизма и общей нестабильности.

Игры в «титульные» нации зашли так далеко, что нации «нетитульные» справедливо ставят вопрос о недопустимости их дискриминации в демократическом государстве. Оставив все без изменений, Кремль заведет ситуацию в тупик, из которого рано или поздно все равно придется искать выход и, возможно – с куда большими потерями. Пойти же по пути предоставления всем этносам какой-нибудь

формы государственной автономии – значит довести дело до абсурда и большой крови. (В России нет свободных земель для нового национально-государственного строительства. Разве что – в Сибири, куда с этой целью никто добровольно не переселится.) В этом варианте пагубные изъяны гораздо заметнее, чем в варианте статус-кво, в рамках которого, вероятно, еще сохраняются какие-то резервные или скорее инерционные возможности для некатастрофического развития.

Если же это не совсем так или совсем не так, то остается, по крайней мере, в нашем поле зрения третий вариант – нечто вроде «губернско-уездной» реформы. Она предполагает изменение национально-автономного статуса нынешних северокавказских субъектов РФ и по названию, и по внутреннему государственно-административному содержанию (включая, естественно, ряд положений местных конституций). Разумеется, это не устранил проблемы в одночасье, но основу для их последовательного решения создать может. Во всяком случае, одновременно будет упразднено то, что противоречит самой сути демократии – фактическое деление народов на первосортные, второсортные и т.д.

«Губернский» принцип откроет возможности для размывания этнократического и сепаратистского потенциала, накоплению которого объективно способствуют современные национально-государственные ниши, в значительной степени огражденные от федерального надзора.

Есть также основания ожидать постепенного ослабления межнационального напряжения, коль скоро оно зачастую возникает не столько между этносами, сколько между этноэлитами, управляющими северокавказскими субъектами РФ. Когда межнациональные противоречия лишатся русла, через которое они опосредуются и преобразуются в межэлитный конфликт, они потеряют немалую часть своей разрушительной энергии.

Если мы действительно хотим построить демократию, то нужно помнить, что она исключает монополизацию государственно-административных рычагов представителями того или иного этноса, на каком бы управленческом уровне это ни происходило. В России не может и не должно быть этнической государственности, ибо государственность у нас одна – общенациональная. Спасение российской демократии – в создании новой исторической общности людей – российской нации (народа) – с помощью самых разнообразных способов (в том числе не вполне демократических, если жизнь заставит).

Один из таких способов – «губернизация» Северного Кавказа без изменения существующих административных границ между субъектами РФ, но с упразднением этнонимичных названий республик (быть может, за исключением Дагестана, по понятным причинам). Внутри «губернской» модели есть разные варианты укрупнений и делений (повторяем – с сохранением территориальной целостности нынешних субъектов РФ). Не вдаваясь в эту важную, но все же политико-инструментальную сферу, подчеркнем, что «губернизация» -- будучи довольно радикальной реформой – требует времени для тщательнейшей, всесторонней подготовки и осуществления.

Подобные реформы должны составлять органичную часть технологии смены социально-экономического строя, которая началась в 1991 году и еще до конца не завершилась. Это нужно четко усвоить сегодняшнему или завтрашнему кремлевскому руководству, как в свое время такую необходимость усвоили большевики, потратившие 18 лет (1918-1936 гг.) на создание своей версии многонационального социалистического государства и подновлявшие ее в течение последующего времени. Совместить с этой версией либерально-рыночные отношения едва ли получится. Хотя в принципе при современных политтехнологиях все возможно.

Мы хотим быть правильно понятыми. «Губернизация» -- сложнейшая, деликатная, системная реформа. Ее скоропалительное осуществление революционными методами «в установленные сроки» может закончиться катастрофой, лимит на которые у России, похоже, исчерпан. Риск есть. Но ничего не делать еще рискованнее. Когда-то надо начинать.

Конечно, нынешние кремлевские лидеры – если форс-мажорные обстоятельства не вынудят их действовать иначе – вправе оставить эту головную боль своим преемникам. По-человечески их можно будет понять. Тогда, однако, преемникам в случае успеха достанется и историческая по своим масштабам слава политических провидцев, сумевших решить северокавказский (шире – национальный) вопрос в России и спасти страну от развала.

* * *

Что касается сугубо политтехнологических методов (хотя грань между прикладной политтехнологией и творческой политстратегией порой бывает очень зыбкой), то тут сначала надо точно идентифицировать те силы на местах (и в центре), которые по разным причинам не заинтересованы в этой реформе и будут оказывать ей сопротивление с той или иной степенью упорства. В одних случаях это сопротивление следует упредить или ослабить (всеми доступными средствами – материальными и моральными), в других – подавить силой или убедительной угрозой ее применения.

Даже при идеальном течении «губернской» реформы (по определению не возможном в столь масштабных предприятиях) не будем обманываться относительно некоторых современных реалий кавказской жизни. На искоренение такого феномена, как этнократия, уйдет много времени и труда. Без запаса терпения и умения держать удар Кремлю не обойтись. Если он не готов к этому, то лучше и не начинать, поскольку потом отыграть назад не удастся. Даже уже сам по

себе факт публичного оповещения о «губернской» реформе будет точкой невозврата.

Вместе с тем, этнократия, как всякое сложное и глубоко укоренившееся явление, требует к себе философского, диалектического подхода, часто недостающего тем, кто стремится инфернализовать ее, как нечто однозначно негативное. В определенных условиях этнократия играет стабилизирующую роль. В таком качестве этнократическую составляющую власти успешно использовало партийно-советское руководство. В 1990-е гг. этой самой составляющей мы обязаны, с одной стороны, войной в Чечне, с другой – сохранением, пусть и худого, мира на остальной территории Северного Кавказа. Вопрос, стало быть, в том, чтобы не дать этнократии выйти за те рамки, в которых она поддается управлению.

Именно эту проблему поможет решить «губернская» реформа, нацеленная не на директивное упразднение этнократии, а на постепенное вытеснение ее путем методичного создания условий, когда в существовании этого института не будет рационального смысла.

С реформой или без нее, внутри этнократических элит нужно культивировать здоровый конкурентный дух, исключаяющий всякого рода пожизненные синекуры и индульгенции, заставляющий трудиться в поте лица, с оглядкой на других соискателей твоей должности, из твоих же соплеменников.

У Кремля должны быть такие кадровые резервы на местах, которыми он смог бы безболезненно заменить существующую региональную власть, если ее профессионализм, чувство лояльности или другие необходимые качества начинают вызывать сомнения. Для надежности эту резервную систему следует, как в самолете, продублировать дважды, трижды, сколько понадобится, превратить в безотказный политический инструмент широкого назначения. Создавать его нужно не только «под губернскую реформу» -- что было бы

расточительно – а всерьез и надолго, как высокопрофессиональную, высокоэффективную структуру политического менеджмента, сбалансированную укомплектованную из людей разных поколений, разных дарований, разного жизненного опыта. Объединять их должно одно – исчерпывающее знание дела, высочайшее чувство ответственности и ясное понимание того, что они не более, чем созданное и нанятое обществом служилое сословие без каких-либо иммунитетов и исключительных прав.

Есть мнение, будто в многонациональных республиках (как, например, Дагестан) с исторически сложившейся номенклатурной традицией этнопредставительства в высших органах власти осуществить конкурсный отбор по профессиональным достоинствам невозможно. В действительности это совсем не так. Даже при такой форме представительства можно с успехом выбирать пригодные кадры из того этноса, за которым «забронированы» определенные административные посты. Это не значит, что подобное правило (законодательно его прописывать нежелательно) нужно укоренить навечно, но в течение какого-то времени его нужно потерпеть и обратить на пользу дела.

* * *

Давно говорят о необходимости значительного сокращения в России армии чиновников, вся недюжинная смекалка которых зачастую уходит на тихое саботирование решений высшей законодательной и исполнительной власти, на оправдание собственного существования, на придумывание бесчисленного количества препятствий для граждан, попадающих в бюрократические коридоры.

Все верно. Однако простым убавлением дела не решить. Это – громадное и чрезвычайно болезненное предприятие. Оно поглотит на долгое время всю энергию государственно-административного аппарата: он будет заниматься только собой в ущерб своим непосредственным функциям. Ближайшие и отдаленные последствия этой лихорадки

неприменно скажутся на стране, и, возможно, самым непредсказуемым образом.

Дело ведь в том, что высвободившуюся массу, которая привыкла руководить и зачастую больше ничего не умеет делать, нужно трудоустроить с наименьшими потерями для ее статуса и кошелька. Иначе она, с ее большим подковерным опытом и большими амбициями, помноженными на чувство мести, пойдет туда, где сможет доставить Кремлю столько проблем, что мало не покажется. Но самое главное – не факт, что сохранившие свои места «государевы люди» будут работать лучше.

Мы не призываем холить и лелеять чиновничье сословие, сохранять его нынешнее, незаслуженно привилегированное положение в обществе, позволять ему обращаться с нами так, как оно привыкло от веку.

Над бюрократией нужен неприменный, жесткий контроль и сверху и снизу. Когда ее деятельность станет совершенно прозрачной, то качество и эффективность ее повысятся почти автоматически. И тогда есть надежда, что чиновничество из неизбежного зла превратится сначала в наименьшее зло, а затем и в благо для общества. Однако для это требуется не кавалерийская атака, а кропотливая и вдумчивая работа. Волей-неволей Кремлю придется искать тот оптимальный зазор для административного маневра, который, условно говоря, будет проходить между чрезмерной осторожностью и чрезмерным радикализмом.

* * *

Мы иногда не вполне осознаем, что в конечном счете в осуществлении любой реформы стратегическую, долгосрочную ставку можно делать только на поколение, у которого жизнь впереди, а не позади. Будущее, вырастающее из настоящего, будет таким, каким его захотят увидеть молодые люди. Но чтобы они не захотели чего-то ужасного, им нужно прививать с младых ногтей великий дух

преимущества культуры, истории, цивилизации. Это для них очень важно, чтобы, как ни парадоксально, жить по-своему, по-своему интересно, разнообразно, значительно.

В повседневной суете, отвлекающей от чувства брэнности, нам нечасто приходит в голову тот неотвратимый факт, что через какие-то 15-20 лет Россия будет принадлежать тем, кто сегодня сидит на студенческой или школьной скамье. Этот гигантский потенциал ума, таланта, воли, энергии, красоты требует жертвенной заботы как бесценный национальный ресурс, без которого наша огромная страна с ее сказочными природными богатствами – ничто. Священный долг нашего, старшего поколения – распорядиться этим подрастающим «капиталом» таким образом, чтобы в обозримом будущем Россия не просто сохранилась на политической карте мира, а стала восхитительно неузнаваемой.

Кто-то из западных футурологов прогнозирует через 2-3 десятка лет «российское чудо» -- небывалый цивилизационный рывок к статусу новой, в том числе экономической, сверхдержавы. Но прогноз, как известно, -- не гарантия. Если мы позволим себе ничего не делать (или делать глупости) в ожидании осуществления этого приятного предвещения, то потеряем все.

К роли будущих хозяев страны молодежь нужно готовить всегда и везде – в семье, в детском саду, в школе, в вузе. И, конечно, на профессиональной стезе, тем более, если она непосредственно связана с политикой, управлением, экономикой. Новым поколениям необходимо прививать чувство гражданской ответственности за сбережение и приумножение того великого наследия, которое они получают.

Что увидели вокруг себя дети, входившие в сознательный возраст в 1990-е годы? К сожалению, то, что рефлекторно и несправедливо будет у них ассоциироваться с «общечеловеческими ценностями». В каком-то смысле это – потерянное поколение, ибо общечеловеческие ценности –

действительно великие идеи – оказались дискредитированными именно тем, что их суррогатными версиями мы, взрослые, бездумно подменили ценности национальные. Отказавшись от собственной идентичности, но так и не став Западом, Россия превратилась в объект деструктивного влияния, защититься от которого пока нечем, хотя нельзя сказать, что в Кремле над этим не думают.

Есть ситуации, где спешка контрпродуктивна или просто опасна. В других она необходима. Образование и воспитание подрастающего и уже подросткового поколения – запущенного, растерянного, лишенного идеалов – именно та область, где промедление стоит дорого.

Недавно объявленные в России общенациональные программы – пока лишь благое начинание, которое легко загубить на корню. Так оно и случится наверняка, если не создать функциональный механизм их реализации, предусматривающий, помимо всего прочего, насаждение такой морально-психологической атмосферы, в которой прямой или косвенный саботаж этих программ будет рассматриваться как угроза и вызов национальной безопасности страны.

В ранг общенациональной следовало бы, без широкого оповещения, возвести программу подготовки кадровых политиков экстра-класса на основе строжайшего конкурсного отбора из числа лиц, обладающих соответствующими качествами. По сути, это должен быть мобильный резерв Кремля, пригодный для решения любых задач, на любых территориях. Если угодно, элитная гвардия, в которой не будет места для многих из тех, кто слывет сегодня политической элитой России, кто столь разнузданно утверждает бескультурье в качестве политической культуры. Нужно создавать сеть образовательных учреждений высшего звена для выращивания тонкого слоя меритократии, в точном смысле этого понятия, которое вбирает в себя не только исключительную профессиональную компетентность, но и

высокую нравственность, преданность родине, долгу, идеалам. Это не будет утопией, если подойти к делу с умом и совестью.

Мы отнюдь не отвлеклись от проблем Северного Кавказа, ибо они есть проблемы России, и наоборот. Больше того: чем скорее мы откажемся от противопоставления одного другому, тем лучше. Произнося «Россия и Северный Кавказ», мы вольно или невольно признаем, что в политическом и других смыслах это не одно и то же, и приучаем к такому же восприятию Запад.

* * *

До сих пор мы говорили о насущной необходимости усовершенствования системы власти в России вообще. Это же, и как можно раньше, следует делать на Северном Кавказе. И тут надо, с одной стороны, не пренебрегать проторенными путями, с другой – быть готовыми к нестандартным ходам в ответ на нестандартные комбинации обстоятельств.

В качестве повода для размышления над вышеизложенным предлагаем один из возможных сценариев обновления северокавказских правящих элит в соответствии с идеей меритократизации этого слоя. Как известно, доверие населения ко всем трем ветвям местной власти подорвано до предела. Ее образ в общественном сознании можно без риска ошибиться передать простыми понятиями: «болтуны», «взяточники», «преступники», «недоучки». Из деликатности не будем обсуждать, насколько такая характеристика соответствует действительности. Важно, по большому счету, вовсе не это, а сам факт бытования в народе подобных представлений, на фоне которых едва ли стоит надеяться на решение каких-то общенациональных программ. Как умеют на местах вымостить непроходимыми колдобинами дорогу к благой цели – хорошо известно.

Что делать? Много чего, и не все сразу. Совершенно очевидна необходимость укрепления местной исполнительной власти за счет

достойных людей, в том числе из молодого поколения, уже прекрасно зарекомендовавших себя на соответствующем поприще, но еще не успевших погрязнуть в пороках «старших товарищей».

Кадры, включая первое исполнительное в республике, должны быть тщательно подобраны и расставлены федеральным центром по принципу не просто профессиональной пригодности (сегодня этого уже мало), а профессиональной и моральной пригодности к решению неординарных задач в неординарной обстановке. Если посыл о том, что «кадры решают все» (или, по крайней мере, многое) верен, -- а он верен -- то его нельзя отдавать целиком в ведение северокавказских «президентов».* Последние должны быть такими же назначенцами Кремля, как и их команды. Для этого необходимо одно условие: центр обязан владеть исчерпывающей информацией о местной кадровой наличности и о кадровом потенциале.

«Человек на своем месте» -- вот чего нам в данном случае катастрофически не хватает: обычно нужны удобные, а не талантливые. Отказавшись от такого подхода, мы получим возможность создать эффективный рычаг для осуществления общенациональных проектов. Критерии эффективности -- безопасность, благосостояние, физическое и духовное здоровье общества. За желание и умение обеспечивать прогресс в этом направлении «людям на своем месте» нужно платить, не скупясь и не скрывая этой щедрости от налогоплательщиков, которые будут знать, что не зря содержат легионы чиновников.

Одним словом, необходимо, не называя это одиозным словом «чистка», произвести именно ее на всех уровнях местной исполнительной власти на Северном Кавказе. Важно при этом не удариться в крайности кампанейщины, как это у нас бывает. Формальные аттестации и переаттестации ничего не дадут, кроме

---

* Это, кстати говоря, абсолютно неподходящий термин применительно к главе субъекта РФ. После того, как этот громкий титул «доносят» некоторые почтенные и уважаемые представители региональной власти, от него следует отказаться в официальном порядке.

перетасовки колоды. Нужны четкие, объективные, «гамбургские» принципы отбора во власть. И они, что бы там ни говорили, существуют: умного, образованного, честного профессионала видно за такую же «версту», как лихоимца и казнокрада, потерявшего элементарные представления о чести и долге. Не надо спрашивать, «где их взять». Их много и должно быть еще больше – по законам бытия, которое не терпит чрезмерного избытка зла. Всего то и нужно, что не закрывать перед ними двери. А дальше они сами покажут, на что способны.

Сегодня качество кадрового состава в республиках Северного Кавказа подчас настолько неприемлемо, что при отборе людей для госслужбы впору ориентироваться не столько на идеальные критерии, сколько на четкое определение антикритериев. Иначе говоря, идти от обратного: искать не человека с исключительными и бесспорными достоинствами, а человека с отсутствием или минимальным количеством явных пороков, с точки зрения предлагаемой ему профессии.

Совершенно нелишне найти продуктивный баланс между молодостью и опытом, велением времени и традицией, макроцелевыми установками и реалиями жизни. То есть – остаться в рамках искусства возможного. Говоря еще проще: в горный аул на разговор с народом нужно посылать одного, а на переговоры с иностранными инвесторами другого. Среди «государева люда» для одних случаев должны быть те, кто умеет сплясать лезгинку на сельском сходе, для других – те, кому не составит труда блеснуть иностранным языком, хорошими манерами и, конечно, мыслью на каком-нибудь международном политическом или экономическом форуме.

Кадровая селекция – это очень много, но далеко не все, учитывая способность нашей российской власти развращать людей быстро и безнадежно. Периодическая и тотальная отчетность «слуг народа» перед

обществом должна стать нормой жизни – такой же, как сегодня система «отката» за услуги чиновников.

Выражаясь фигурально, огромное здание государственно-административной службы должно быть выстроено из сплошного стекла, чтобы деятельность его обитателей просматривалась насквозь. (За исключением, разумеется, специальных ведомств.) Если политики и чиновники сами не могут принудить себя быть элементарно порядочными, то им нужно помочь, поместив за «стекло». Пусть они там сами разбираются, кто кому подчиняется и кто за что отвечает – это проблема техническая, утомлять которой публику не обязательно. Обязательно другое: все они должны в конечном, но не абстрактном счете нести ответственность перед народом, имеющим священное и неотъемлемое право знать, кто им управляет, куда ведет и за что получает от налогоплательщика внушительную зарплату.

На всех уровнях ниже президентского должна действовать простая формула: «вот тебе общая цель, вот тебе вытекающие из нее конкретные задачи, вот тебе средства решения»; не смог справиться – уходи, заведомо не захотел справиться – отвечай перед законом.

Что касается самого Президента, то с ним сложнее. Он отвечает за всех и за все в стране. Перед своей совестью, перед историей, перед будущим. Личность, мыслящая иными, более мелкими категориями, не имеет права находиться на вершине власти в таком государстве, как Россия.

Вместе с тем, «стеклянный государственный дом» нужно строить вовсе не для того, чтобы каждый недовольный чем-то обыватель мог отвести душу броском увесистого булыжника в стекло, ссылаясь на свое «демократическое» право протестовать. Власть, пасующая перед натиском уличной толпы и позволяющая ей решать вопросы государственной важности, -- это не власть. Настоящая власть никогда

не допустит возникновения даже подобия такой ситуации, когда у кого-то появится соблазн принудить государство к чему-то грубой силой.

* * *

Возвращаясь к разговору о губернской и одновременно меритократической реформе на Северном Кавказе, необходимо коснуться еще одного болезненного вопроса – о целесообразности существования местных парламентов в том виде, в котором они существуют, и с теми функциями, которые на них возложены.

Сразу оговоримся: интеллектуальный, творческий и организационный потенциал заседающих там людей в ряде случаев высок, и именно поэтому он заслуживает более достойного применения. Вместе с тем, не будем лукавить: до сих пор этот потенциал тратился либо на создание законов, по сути конфликтующих с буквой и духом российской конституции и разрушавших единое государственно-правовое поле, либо на формулировку подзаконных норм, которые могли бы быть безболезненно заменены актами исполнительной власти.

Остается сожалеть, что при наличии дееспособного профессионального ядра в составе этих институтов коэффициент их полезного действия незначителен.

Не настала ли пора подумать о реформировании местных законодательных учреждениях, мобилизовав одну часть парламентариев на конкретную государственно-административную работу, а другую превратив в республиканскую общественную палату с высокоавторитетным статусом? В кадровом плане исполнительная власть от такого пополнения качественно выиграет, а местная система сдержек и противовесов станет менее декларативной за счет того, что на смену недееспособному парламенту придет орган, образованный из общественно значимых, достойных людей, с мнением которых руководящему аппарату республики придется считаться. Копировать же в специфических условиях региона федеральную систему разделения

властей (которая, кстати, тоже вызывает много вопросов) лишь на том основании, что это – незыблемый постулат демократии, контрпродуктивно. Опыт показал: многое из того, что хоть как-то функционирует в Москве, совершенно не работает на Северном Кавказе.

* * *

Сложная региональная ситуация требует внимания к целому ряду других политических проблем, предполагающих нестандартные решения. Среди них, впрочем, есть такие, которые сегодня уже не кажутся экзотическими, особенно на фоне множущихся мировых и российских прецедентов.

Мы имеем в виду назревшую целесообразность существенного расширения сферы «женского» присутствия в большой политике. К этой весьма деликатной проблеме необходим взвешенный, спокойный, рациональный подход. Он должен твердо страховать нас и от воинствующего феминизма, испытанные Западом последствия которого (прежде всего демографические) России совершенно противопоказаны, и от мужского монополизма, ведущего к брутализации и дегуманизации политической культуры и политического поведения.

Нашей внутренней политике порой явно не хватает женского лица, женского умеряющего начала, женской души, наконец. Потенциал жизнетворящего и жизнесберегающего инстинкта женщин – особенно в России – велик. Как знать, не его ли заслуга в том, что в 1990-е годы мы избежали большой гражданской войны и большой крови. Пока этот инстинкт действует стихийно. Задача, стало быть, в том, чтобы трансформировать его энергию в организованную, целенаправленную и масштабную деятельность. Если мы хотим сделать из России крепкий, дружный, многонациональный семейный очаг (чем, кстати, не национальная идея?), то нам не обойтись без матерей, самой природой предназначенных обеспечивать мир, лад, благо, будущее.

Разумеется, и тут далеко не все так просто и идиллично. Наше общественное мнение (в том числе его женская часть) и, тем более, правящий класс еще не готовы к идее матриархатизации внутриполитической жизни страны. Один из доводов: жесткие вызовы современности предполагают жесткие, мужские ответы. Впрочем, тем, кто опасается размягчения российской политики, к сожалению, есть, чем утешиться. Считается, что законы политические борьбы отбирают во власть сильных женщин, которые по своим психофизическим и психоментальным свойствам мало чем отличаются от мужчин, а то и превосходят их. В политическом поведении таких дам нет ничего специфически женского. Более того, в их профессиональной деятельности примеси «железа» иногда превышают пределы необходимого. (Примеров достаточно.)

Тем не менее, гендерный дисбаланс в нашей политике огромен. Пусть медленно, но верно его нужно исправлять. Не ради того, чтобы соответствовать западному стилю. Да он в России и не приживется. Наша женщина – при всем том, что с ней сделала постиндустриальная эмансипация – все же отличается от западной. В сути своей она не агрессивна, женственна, сострадательна. И что бы там ни перемывалось в анекдотах – очень умна.

Что касается таких ненавистных кое-кому постсоветских явлений, как *femina politicus*, офисные дамы или девушки, осваивающие все мужские виды спорта, то тут нашему брату в пору сетовать только на себя, свой инфантилизм, свою лень, свою несостоятельность, -- все, что вынудило женщину утверждаться на поприщах, традиционно закрепленных за сильным полом.

Уже никуда не деться от созерцания обыденности, в которой российские женщины будут сбрасывать свои стрессы (или избыточный тестостерон) в уродливых для них спортивных состязаниях, но зато есть уверенность, что они не будут это делать в мужских, далеко не

спортивных играх в войну и смерть. И это один из главных аргументов в пользу широкого привлечения женщин в политику. (Желательно, правда, обойтись без лозунгов первых пятилеток «Женщины – на трактор!», «Женщины – на самолет!» и т.д.)

Сказанное особенно актуально для Северного Кавказа. Покажется странным, но несмотря на историческую патриархатность этого края, женщина здесь всегда пользовалась сильным, но, как правило, негласным влиянием. Образ матери-хранительницы очага и продолжательницы жизни окружен ореолом святости и в народном сознании, и в жизни. Образ девушки, броском платка останавливающей жестокий поединок и предотвращающей неминуемое кровопролитие, тоже олицетворяет жизнеутверждающее начало, антитезу войне и разрушению. Западным феминисткам недостает, быть может, самого главного – высшей мудрости наших женщин, выраженной в непревзойденном искусстве внушать гордым, «кавказским» мужчинам иллюзию о том, что к принятым ими «великим» решениям слабый пол не имеет никакого отношения.

Конечно, нет гарантий, что бесчисленные личностные достоинства женщин получат немедленное и адекватное воплощение в большой политике. Однако, с нашей точки зрения, бесспорно одно: даже простое количественное увеличение женского представительства во всех властных структурах рано или поздно перейдет в качественный, благотворный результат. Соответствующая кадровая перестройка актуальна, быть может, в первую очередь на Северном Кавказе, где «мужская» политика дискредитировала себя до критического уровня.

* * *

Еще один вопрос – Чечня – из сакраментальной категории «что делать?» несколько утратил свою остроту, но никак не актуальность. Если бы не произошло, того, что произошло, не было бы причин для применения к этой республике какого-то особого подхода. Сегодня

нужда в таком подходе, к сожалению, существует, и это положение сохранится в течение неопределенного времени.

Тем не менее, и здесь общий, стратегический курс в принципе следует выстраивать в том же направлении, что и в других северокавказских субъектах. Это значит – создавать локальную подсистему федеральной власти в таком формате, в котором понятия «лояльность» или «нелояльность» по отношению к Кремлю выйдут из употребления, как абсолютно беспредметные и устаревшие.

Сейчас самое главное – не пустить все на самотек, но и не делать резких движений. С трудом достигнутое в Чечне хрупкое равновесие – межэлитное, межкорпоративное, межклановое – нужно удерживать хотя бы в таком состоянии. Вопрос о степени одиозности местных политических персонажей, объективно или субъективно способствующих сохранению этого равновесия, придется пока оставить за рамками повестки дня.

Обстановка явно требует от кремлевской политики в Чечне гибкого сочетания ситуативного и доктринального подходов. Поскольку последний не выглядит достаточно проработанным, предпочтение до поры до времени следует отдавать тактике *ad hoc*.

Между тем, нельзя бесконечно затягивать процесс возвращения Чечни в политико-правовое, социально-культурное и экономическое поле РФ. Учитывая сложность и долговременность этого процесса, чреватого непредсказуемыми поворотами, федеральному центру стоит воздержаться от жестких политических программ с установленным сроком исполнения. Они, скорее всего, не будут выполнены, что лишний раз дискредитирует Кремль в глазах и российского, и чеченского общественного мнения. Гораздо целесообразнее выстраивать стратегическую политику в Чечне как бы методом исключения, то есть точно усвоив, чего не следует делать. Тогда остальное, по логике, и станет ответом на вопрос «что делать?».

Нынешнюю обстановку в Чечне можно терпеть лишь как переходный период на пути к установлению нормальной федеральной власти. Но превращать его в хроническое состояние недопустимо категорически, ибо это рано или поздно сформирует социальную, кадровую и идейно-психологическую среду, порождающую лидеров, типологически похожих на Д.Дудаева. Новая волна суверенизация будет стоить еще большей крови.

Местная власть в Чечне, как и по всей России, должна носить не военно-чрезвычайный, а гражданский характер. На территории нашей страны не должно быть места для театра политического абсурда, каковым является противостояние вооруженных родовых кланов с участием федеральных властей. Обычаи военной демократии принадлежат истории, а не XXI веку! Стихийные или сознательные попытки возродить их заслуживают только одного – пресечения в зародыше.

* * *

История знает немало прецедентов непосредственного обращения правителя к народу. В современном, «цивилизованном» кодексе политического поведения это считается запрещенным приемом и дурным тоном. Беда только в том, что благообразие и политкорректность поведенческих норм, принятых в среде первых лиц государства, заметно контрастирует, особенно на Северном Кавказе, с кровавой реальностью, которая требует к себе более адекватного отношения и более функционального подхода.

Вместе с тем, «антибоярский» союз «царя с народом», если он будет осуществляться лишь по историческим лекалам, без поправок на реалии XXI века – таит в себе угрозу и для «верхов» и для «низов». Иначе говоря, для России в целом, перед которой традиционно стоят две опасности – полного хаоса и полного порядка. Если есть золотая

середина, то ее придется искать между классической западной демократией и классическим российским авторитаризмом.

Идеальной была бы такая ситуация, при которой порядок в стране наведет сильная демократическая власть. Иначе этим займется, с благословения «трудящихся масс», власть авторитарная, что, возможно, соблазнит ее на политику максимальной концентрации властных полномочий, обычно именуемой тоталитаризмом.

Применительно к огромной России еще можно рассматривать вариант золотой середины. К сожалению, на Северном Кавказе его не существует. Там после крушения СССР и исчезновения вместе с ним советско-державной над-идентичности основой массового самосознания стали этническая, клановая, профессионально-корпоративная и другие, в том числе глубоко маргинализированные, сферы самоотождествления. Парадокс глобализации в этом регионе состоит в том, что северокавказские народы идут по пути реставрации традиционных, патриархальных отношений, характерных для XVII-XVIII веков. Это и клановая иерархия, предполагающая ожесточенные межклановые схватки за высокие места на этой лестнице; это и вассально-сюзеренная, данническая система соподчинения с соответствующим распределением общественного богатства, статусно-престижных ролей и т.д.; это и внутриклановая круговая порука; это и особые представления о преступлении и наказании, реализуемые через стихийно возродившийся механизм обычного права.

Все это, как и многое другое, экзотически сочетается с новейшими атрибутами цивилизации, включая область экономической и финансовой деятельности.

Ожидать, что при таких обстоятельствах в северокавказских республиках произойдет самоорганизация гражданского общества снизу, как это происходило на Западе в течение веков, -- утопия, принудительное воплощение которой приведет к бесплодной растрате

огромных ресурсов с непредсказуемыми последствиями. Если кремлевское руководство возьмет курс на выращивание, так сказать, эволюционной демократии, то Северный Кавказ будет потерян и для России, и для демократии.

Постсоветский опыт показал, что в малых, традиционалистских социумах партийно-демократическое строительство обретает форму благовидного, «цивилизованного» прикрытия для межклановых и межфамильных войн или для сведения счетов между криминальными группировками. Демократия, в ее северокавказской разновидности, становится прежде всего легальным и прямым путем во власть для значительного числа людей, заряженных негативной, разрушительной пассионарностью. Страшно то, что общество перестает отделять ненавистный образ этого хищнического слоя от образа Государства Российского.

Индивидуальные или массовые социально-агрессивные и социально-деструктивные инстинкты самой своей сутью напрашиваются на то, чтобы их подавляли – либо человек, либо общество. Большинство людей генетически призвано трудиться, созидать, мыслить, но менее приспособлено к задаче выживания в экстремальной среде. С этой задачей гораздо лучше справляются маргиналы разных мастей, негативно ориентированные пассионарии, преступники, мошенники и т.д. По большому счету, именно в среде, где разрушение господствует над творчеством, подобные люди чувствуют себя как в родной стихии. Подавляющая часть населения Северного Кавказа заслужила право быть огражденной от них. Если эту защиту не в состоянии гарантировать «классическая» демократия, то надо искать другие способы. Коль скоро мы во главу угла ставим человека вне зависимости от его национальности, веры и т.д., то нужно обеспечить ему, прежде всего как гражданину России, комфортное самочувствие в любом уголке страны или любыми средствами.

Выдающийся русский либеральный историк В.О.Ключевский заявлял о своем неприятии «партийного принципа» организации общественной жизни России, поскольку это ведет к расколу. Стоит ли говорить о воздействии такого рода принципа на крошечные (по сравнению с русским народом) социально-этнические и культурные системы?

Вместе с тем, на Северном Кавказе абсолютно необходим эффективный механизм, который будет для «низов», с одной стороны, транслятором их воли и мнения, с другой, средством контроля и давления на власть. Но этот механизм также должен действовать в обратном направлении, позволяя власти влиять на общество, объяснять ему свои цели, завоевывать его доверие и достигать компромиссы. Простая и прозрачная система отчета политических лидеров перед народом даст возможность умерить социальные страсти и повысить уровень взаимопонимания.

* * *

В истории утверждения России на Северном Кавказе то и дело вставала проблема выбора между большой и малой кровью. Нередко удавалось обходиться минимальными, политическими средствами, хотя далеко не всегда. Кавказская война, с точки зрения политико-идеологической, олицетворяла борьбу двух цивилизационных проектов – российско-имперского и исламско-фундаменталистского (мюридистского). Первый проект одержал безоговорочную победу благодаря не только силовому превосходству. Он оказался в глазах народных масс гораздо более привлекательным по целому ряду причин (о чем написаны книги). Главная из них – уверенность в том, что мощь Российской империи способна гарантировать подданным внешнюю и внутреннюю безопасность – первое условие выживания, благополучия и развития.

Сегодня «борьба проектов» возрождается. Вовсе не потому, что державная идея утратила свою популярность, а потому, что почти не видно тех, кто готов и способен ее осуществлять. Зато на виду люди, жаждущие этим воспользоваться. Радикальные исламисты тонко чувствуют настроения масс в бедных, полиэтничных, коррумпированных и этнократизированных обществах, лишенных порядка, справедливости, единства. Преимущество ваххабитов в том, что у них есть своя, совершенно четкая программа воплощения в жизнь этих идеалов. Она проста до предела: формирование духовной наднациональной идентичности, основанной на высоких заповедях «чистого» ислама и противопоставленной сонму человеческих и социальных пороков, национализму, расколу, беспорядку, преступности, с одной стороны, и российскому светскому и иноверческому присутствию, как олицетворению всего этого, с другой. В условиях отсутствия у Кремля хотя бы сопоставимого по силе морального воздействия контрпроекта ваххабитские идеи стремительно овладевают умами, особенно среди молодежи, всегда предрасположенной к максимализму.

Союзниками фундаменталистов вольно или невольно становятся отдельные представители российского либерализма и великорусского шовинизма, выступающие с призывом: «Сбросим этот балласт (Северный Кавказ) и заживем счастливо!». Одни ссылаются на «священный» принцип самоопределения и неготовность патриархальных обществ к переходу в постиндустриальную стадию, другие – на религиозно-культурную несовместимость «нерусского» региона с Россией.

Нет ничего порочнее и опаснее такого подхода. И чем настойчивее нас подвигает к этому Запад, тем больше оснований усомниться в его благонамеренности. Однажды (в 1991 г.) мы уже сбросили «балласт», но

перспектив «зажить счастливо» как не было, так и нет. А о геополитических последствиях и говорить нечего.

* * *

Английский философ У.Оккам предостерегал от «умножения сущностей без необходимости». Сейчас этот призыв крайне актуален для Северного Кавказа, где «сущности умножились» до такого количественного и качественного уровня сложности, который граничит с хаосом. Чтобы он не наступил окончательно, ситуацию нужно упростить и сделать это непременно «сверху», иначе она так запутается «снизу», что управлять ею будет совершенно невозможно.

Сегодня северокавказское пространство усеяно гордиевыми узлами. Многие из них нельзя развязать. Их придется разрубать. На это потребуются воля и смелость, почерпнуть которые пока еще есть откуда. В том числе из такого важного источника, как кавказский менталитет. На Кавказе всегда понимали и понимают, когда государство ведет себя как государство.

Нынешняя Россия – уже не та страна-подранок, какой она была в 1990-е годы. У нее гораздо меньше уязвимых мест, и число их, похоже, продолжает сокращаться. Это позволяет Кремлю проявлять больше решительности и во внутренней политике, и во внешней.

Прозвучит неожиданно, но, быть может, самые напряженные усилия воли и ума понадобятся для борьбы со страшнейшим вирусом XXI века – имморализмом. России, россиянам, российской власти не найти путь к спасению без опоры на *нравственный императив* внутри себя. Если этот императив, как считал Иммануил Кант, действительно закон природы, то рано или поздно он сработает. Однако аварийная социальная автоматика – при допущении, что она существует – тоже может дать сбой или отказать вовсе. Поэтому лучше действовать по принципу: «На нравственный закон надейся, но сам не плошай». По крайней мере там, где нужно помочь этому закону реализоваться.